

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

6(16)

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1997

Шестой (16) выпуск «Новгородского исторического сборника» представляет разнообразное исследование и материалы по истории и культуре Новгорода Великого. Основное место в издании отведено вопросам сложения территории города, формирования местных языковых особенностей, создания древнейших памятников летописания и научной мысли. Отдельные статьи посвящены проблемам внешнеполитических отношений с Норвегией и Швецией в XII—XVII вв. На основе широкого круга источников воссоздается картина городской жизни в XVII в. Издание уделяет внимание темам художественной культуры, этнографии. Работы, посвященные проблемам истории города в XIX—XX вв., а также публикации источников и краеведческих материалов завершают сборник. Впервые в издании принимают участие зарубежные исследователи. Для историков, лингвистов, искусствоведов, этнографов.

Редакционная коллегия:

Б. В. АНАНЬИЧ, А. З. ВАКСЕР,
Э. А. ГОРДИЕНКО (отв. секретарь), Г. М. КОВАЛЕНКО,
В. Ю. ЧЕРНЯЕВ, В. А. ШИШКИН, В. Л. ЯНИН (отв. редактор)

Рецензенты:

Л. И. ИВИНА, А. П. ПАВЛОВ, Е. А. РЫБИНА, П. В. СЕДОВ,
М. Б. СВЕРДЛОВ, В. Г. ЧЕРНУХА, А. Н. ЦАМУТАЛИ

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 96-01-16127

© Институт Российской истории РАН
Санкт-Петербургский филиал, 1997
© Издательство «Дмитрий
Буланин», 1997

ISBN 5-86007-059-4

А. А. Гиппиус

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ТЕКСТА НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

Спорные вопросы текстологии НПЛ

История изучения Новгородской первой летописи насчитывает уже более двух с половиной столетий. Оба ее извода были введены в научный оборот еще в XVIII в.: младший — В. Н. Татищевым, описавшим в 7-й главе своей «Истории» найденную им «в лесу у раскольника» и переданную в библиотеку Академии наук рукопись, известную ныне как Академический список НПЛ;¹ старший — М. М. Щербатовым, впервые познакомившим любителей отечественной истории с пергаменным Синодальным списком.² С тех пор главная летопись Новгородской феодальной республики постоянно находилась в центре внимания историков и филологов. Ее историография богата яркими наблюдениями, неожиданными сближениями, смелыми построениями и гипотезами, и в не меньшей степени — парадоксами и недоразумениями. Лишь немногие из предположений относительно источников, авторов, этапов сложения текста памятника могут на сегодняшний день считаться доказанными. Ключевые проблемы истории текста НПЛ продолжают оставаться открытыми и по-прежнему вызывают споры среди исследователей. Новое обращение к данной проблематике будет уместно предварить, напомнив некоторые хорошо известные факты и одновременно наметив в общих чертах круг связанных с ними дискуссионных вопросов, требующих разрешения.

В отличие от младшего извода НПЛ, известного в виде группы списков (из которых основные — Академический (БРАН, 17.8.36) и Комиссионный (СПб. ФИРИ РАН, собр. Археогр. ком., № 240), оба 40-х гг. XV в.), старший извод представлен единственным пергаменным Синодальным списком (ГИМ, Син., № 786). Список дефектный: в нем отсутствуют первые 16 тетрадей, содержавших текст с начала летописи до 6524 (1016) г., а также одна тетрадь в середине с изложением событий 1273—1298 гг. В кодикологическом отношении в рукописи отчетливо выделяются две основные части — л.1—118 (события 6524—6742 гг.) и л.119—167 (события 6742—6838 гг.) — и дополнения на л. 167—169 за 6838—6860 гг. В первой части Синодального списка традиционно разграничивались два почерка (л.1—62 и л.62—118об.).

Уникальность Синодального списка обуславливает известную расплывчатость понятия «старший извод НПЛ». До конца не ясно, стоит

¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 62.

² История российская от древнейших времен. Сочинена князем Михайлом Щербатовым. СПб., 1770. Т. 1. С. 10—11.

ли за этим понятием особый летописный свод (по А. А. Шахматову, «свод 1333 г.»), дошедший до нас в единственном сохранившемся списке, или же Синодальная рукопись была с самого начала единственной в своем роде, представляя собой конволют, состоящий из разновременных частей. Решение этого вопроса зависит в первую очередь от датировки двух частей памятника, которая, сама по себе оказывается весьма проблематичной. Если вторая часть рукописи может быть с большой вероятностью датирована тем же 1330 г., которым заканчивается содержащийся в ней текст (об этом свидетельствует характер записей за последующие годы, сделанных разными почерками и чернилами и, по видимому, современных описанным событиям), то время написания первой части определялось исследователями по-разному. Господствовавшей в XIX в. датировке ее XIII в. А. И. Соболевский противопоставил тезис о составлении всего Синодального списка во второй четверти XIV в.³ Точка зрения А. И. Соболевского была поддержана А. А. Шахматовым (первоначально придерживавшимся мнения о разновременном создании двух частей рукописи), который положил ее в основу своей реконструкции «свода 1333 г.»⁴ В последнее время в литературе вновь возобладал старый взгляд на первую часть Синодального списка как на рукопись XIII в.⁵

В обсуждении вопроса об источниках Синодального списка ключевую роль играют две заметки от первого лица под 6652(1144) и 6738(1230) гг. Анонимный летописец, записавший под 1144 г.: «Въ то же лѣто постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» (с.27),⁶ был отождествлен Д. И. Прозоровским с Германом Воятой, священником церкви св. Иакова, сообщение о смерти которого (с указанием срока его пастырского служения — 45 лет) помещено в Синодальном списке под 6696(1188) г.⁷ Это отождествление получило общее признание и является одним из немногих положительно установленных фактов в истории текста НПЛ. Имя еще одного новгородского летописца узнаем из статьи 1230 г., в которой известие о смерти незадолго до того смещенного игумена Юрьева монастыря Саввы сопровождается молит-

³ Соболевский А. И. Рец. на изд.: Новгородская летопись по Синодальному списку / Под ред. П. И. Савваитова. СПб., 1888 // Русский филологический вестник. 1889. Т. 21, № 1. С. 123.

⁴ Шахматов А. А.: 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 184; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 128. В определении времени создания свода — протографа Синодального списка А. А. Шахматов колебался, в разных своих работах относя его то к 1330, то к 1333 г. О Синодальном списке как рукописи XIV в. пишет и Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Археографический обзор списков «Повести временных лет» // Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 161).

⁵ К датировке первой части Синодального списка XIII в. первым вернулся А. Н. Насонов, которому принадлежит наиболее обстоятельное кодикологическое описание рукописи (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 5—7; см. также обзор датировок в последнем описании памятника: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984. С. 261, № 270).

⁶ Текст НПЛ цитируется по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

⁷ Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 52. Отд. 2. С. 23.

венным обращением: «А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю» (с. 70). Этот Тимофей пономарь еще до открытия Прозоровского был отождествлен с пономарем церкви св. Иакова, переписавшим в 1262 г. Пролог (так называемый «Лобковский», ГИМ, Хлуд., №148) для церкви св. Образа.⁸ Составление этих фактов привело Д. И. Прозоровского к выводу о создании Новгородской летописи при церкви св. Иакова несколькими поколениями ее причта.

Вывод Д. И. Прозоровского был вскоре скорректирован М. П. Погодиным, указавшим на ведущую роль в новгородском летописании владычного двора и его центра — Софийского собора. По мысли М. П. Погодина, в Синодальном списке до нас дошла новгородская владычная летопись в ее местной обработке, выполненной при церкви св. Иакова.⁹ Таким образом, работами Д. И. Прозоровского и М. П. Погодина были заложены основы того направления в исследовании старшего извода НПЛ, которое может быть названо «софийско-яковлевским». Дальнейшее развитие это направление получило в работах А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева, а в последнее время — Н. Н. Подвигиной, Г. И. Вздорнова, Б. М. Клосса и Я. С. Лурье. При этом степень зависимости летописи церкви св. Иакова от новгородской владычной хроники названными исследователями оценивалась по-разному, как и роль в ее создании Германа Вояты и Тимофея пономаря; последний рассматривается большинством сторонников софийско-яковлевской гипотезы как обладатель второго почерка Синодального списка (л. 62—118об.). По-разному решался и вопрос о том, при какой из двух новгородских церквей св. Иакова переписывалась и дополнялась владычная летопись. Более обоснованной представляется точка зрения исследователей, считающих местом службы попа Германа и пономаря Тимофея церковь на Добрыне улице в Людине конце.¹⁰

⁸ Снегирев И. Новгородский древний Пролог // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3, кн. 3. С. 296.

⁹ Погодин М. П. Новгородские летописи // ИпоРЯС. 1857. Т. 6, вып. 3. С. 228.

¹⁰ См.: Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем... С. 20, 23; Подвигина Н. Н. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник Московского университета. 1966. Сер. 9, № 1. С. 74—75; Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 265—269 (с подробным изложением истории вопроса); Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. С. 80—81. По мнению других авторов, церковь, в которой служили Герман Воята и Тимофей, находилась в Неревском конце (см.: Шахматов А. А.: 1) Разыскания... С. 186—187; 2) Обзорение... С. 129—130; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 197—215). Сторонники обеих точек зрения строят свою аргументацию, опираясь в основном на характер упоминаний в летописи двух яковлевских церквей и кончанских пристрастий летописцев, и при этом приходят к противоположным выводам. Думается поэтому, что искать ответа на данный вопрос в летописи вообще не стоит. Наше предпочтение церкви на Добрыне улице основывается на аргументе, приводимом Г. И. Вздорновым (см.: Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог... С. 265): на той же Добрыне улице находилась и церковь св. Образа, для которой Тимофеем был

Вывод о том, что в основе Синодального списка лежит новгородская владычная летопись, является важнейшим и наиболее бесспорным результатом его текстологического изучения. Этого нельзя сказать о вкладе в новгородское летописание церкви св. Иакова, оценки которого колеблются в весьма широких пределах. Сомнения в существовании особой яковлевской обработки владычной летописи первым высказал И. С. Тихомиров. Подчеркивая компилятивный характер работы софийских летописцев, он предположил, что связанные с Германом Воятой записи, сделанные при церкви св. Иакова, были использованы ими наряду с другими церковными и монастырскими материалами. Летописного Тимофея пономаря И. С. Тихомиров отказался отождествлять с писцом Лобковского Пролога, видя в нем автора ряда записей, сделанных в Юрьеве монастыре.¹¹

Роль Юрьева монастыря в новгородском летописании была подробно исследована И. М. Троцким, предложившим свою версию происхождения старшего извода НПЛ, которую в противовес «софийско-яковлевской» можно назвать «софийско-юрьевской». Связь Синодального списка с Юрьевым монастырем И. М. Троцкий обнаружил не только в приписках, помещенных на последних листах рукописи, но и в ряде известий, читаемых в старшем изводе и отсутствующих в младшем. Подробно остановившись затем на имеющихся, по его мнению, многочисленных дублировках в тексте Синодального списка, И. М. Троцкий заключил, что «1) в Синодальной летописи мы имеем компиляцию владычного летописания с каким-то вторым, ведущим систематические записи источником; 2) источник этот — летописание, производившееся при дворе юрьевского архимандрита; 3) летописание это касалось не только событий внутренней монастырской жизни, но освещало и общие новгородские темы, выражая при этом точку зрения тех кругов, с которыми был связан в разные периоды Юрьев монастырь».¹² Отвечая на вопрос, каким образом юрьевские записи были объединены с владычными, исследователь предположил, что владычное летописание постоянно сверялось с летописью Юрьева монастыря, особенно — в XII—начале XIII в. и в конце XIII—начале XIV в. Какую-либо особую роль в новгородском летописании церкви св. Иакова И. М. Троцкий отрицал, относя упоминания Германа Вояты и Тимофея к юрьевской летописной традиции.¹³

Оппозиция софийско-яковлевской и софийско-юрьевской гипотез сохраняет свою актуальность и по сей день. Если Б. М. Клосс в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» выступает сторонником первого направления, то В. Водов в последней работе, специально посвященной текстологии НПЛ, защищает точку зрения И. М. Троцкого, приводя дополнительные аргументы в пользу софийско-юрьевской схе-

переписан Пролог. Естественно полагать, что яковлевский пономарь выполнял заказ церкви, расположенной поблизости, а не в противоположном конце города.

¹¹ Тихомиров И. С.: 1) О Тимофее пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. 1887. Март. С. 28—37; 2) Нескольким замечкам о новгородских летописях // Там же. 1892. Сентябрь. С. 145—147.

¹² Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отделение общественных наук. Л., 1933. № 5. С. 359.

¹³ Там же. С. 361.

мы.¹⁴ Вопрос об источниках Синодального списка, таким образом, по-прежнему остается открытым.

Ключевой для истории новгородского летописания вопрос о соотношении старшего и младшего изводов НПЛ представляет собой в действительности целый комплекс частных проблем, требующих самостоятельного рассмотрения. В объяснении нуждается, с одной стороны, сам факт значительного сходства двух изводов, позволяющий трактовать их как варианты одной летописи, а с другой — вся совокупность расхождений между ними, количество и характер которых не одинаковы на разных участках текста НПЛ.

Своеобразным водоразделом в сопоставлении двух изводов оказывается 6582 (1074) г. До этого года текст, читаемый в списках младшего извода, весьма существенно отличается от представленного в Синодальном списке, что заставляет предполагать использование разных протографов составителями двух изводов. Между тем, начиная с 6583 г. оба извода воспроизводят с некоторыми частными различиями и дополнениями один и тот же протографический текст. Степень сходства двух изводов в этой части НПЛ настолько значительна, что закономерно возникает вопрос: является ли она следствием непосредственного использования составителем младшего извода самого Синодального списка (или его ближайшего протографа — оригинала «свода 1333 г.») или же имеет иное объяснение? Специально исследовавший данный вопрос А. А. Шахматов придерживался первой точки зрения.¹⁵ К выводу об использовании Синодального списка сводчиком младшего извода приходит и В. Л. Янин.¹⁶ Противоположная точка зрения была высказана М. Х. Алешковским, предполагающим (правда, без подробной аргументации этого положения) независимое воспроизведение в обоих изводах НПЛ общего владычного протографа.¹⁷

Существенные расхождения двух изводов в части, предшествующей 6583 г., обусловлены структурой текста младшего извода НПЛ, в котором этот хронологический рубеж обозначен весьма отчетливо. По 6582 г. включительно в младшем изводе читаются обширные статьи, точно воспроизводящие текст Повести временных лет с отдельными новгородскими добавлениями. Начиная с 6583 г., их сменяют краткие записи, в которых новгородский материал перемежается известиями, восходящими к Повести временных лет (последние продолжают вплоть до 6623 г., после чего летопись окончательно приобретает местный новгородский характер). Особенно резкой границу двух участков текста делает незавершенность статьи 6582 г., которая обрывается

¹⁴ См.: Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 245—247; Vodoff W. Quelques remarques sur la premiere chronique de Novgorod // Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata / Ed. M. Colucci, G. Dell'Agata, H. Goldblatt. Roma, 1986. P. 741—753.

¹⁵ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 года // Шахматов А. А. 1864—1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 123—127.

¹⁶ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 164—181.

¹⁷ Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971. С. 113—114.

на полуфразе, так что рассказ об успении Феодосия Печерского не доведен до конца.

Рубеж 6582/6583 гг. нашел себе объяснение в фундаментальной гипотезе А. А. Шахматова об использовании в младшем изводе НПЛ Начального Киевского свода конца XI в., предшествующего Повести временных лет и лежащего в ее основе. Согласно этой гипотезе, именно до 6582 г. доходил использованный в Новгороде дефектный список Начального свода. Привлечение Начального свода к новгородскому летописанию А. А. Шахматов связывал с составлением «Софийского временника», которое сначала относил к началу XIII в., а в «Разысканиях...» и более поздних работах — к 20—30-м гг. XV в. (1423 или 1433—1434 гг.). Использованию в Новгороде Начального свода предшествовало, по А. А. Шахматову, появление летописного свода, соединившего новгородскую летопись с Повестью временных лет в третьей редакции. В «Разысканиях...» Шахматов датировал этот свод 1167 г., связывая его появление с учреждением новгородской архиепископии.¹⁸

Это построение А. А. Шахматова явилось отправным пунктом для всех дальнейших исследований. Собственные гипотезы становления текста НПЛ в ее начальной части, в разной степени продолжающие идеи А. А. Шахматова и полемизирующие с ними, были предложены Д. С. Лихачевым, М. Х. Алешковским, А. Г. Кузьминым. К ним нам еще предстоит обратиться. Пока же заметим, что и в этой области текстологии НПЛ остается пока очень много неясного.

Писцы Синодального списка и Тимофей пономарь

Поводом для нового обращения к очерченной выше проблематике послужили палеографические наблюдения автора настоящей статьи, которые, не укладываясь ни в одну из предложенных до сих пор текстологических схем, заставили еще раз и под новым углом зрения рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с происхождением и соотношением двух изводов НПЛ. Суть этих наблюдений (подробному их изложению и аргументации была посвящена специальная работа)¹⁹ сводится к следующему:

1) вопреки общепринятому, но палеографически не обоснованному мнению, древнейшая часть Синодального списка НПЛ (л.1—118) написана одним почерком, а не двумя;

2) этот почерк не принадлежит Тимофею пономарю — писцу Лобковского Пролога 1262 г.;

3) рукой Тимофея пономаря, помимо Лобковского Пролога, написаны еще пять рукописей — два книжных кодекса (Апокалипсис Никольского (БРАН, Никольск., 1) и вторая часть Софийского Пролога

¹⁸ См. изложение этой гипотезы в работах А. А. Шахматова: 1) О Начальном киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С.1—58; 2) Разыскания... Гл. 1, 8, 9, 15; 3) Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. 1909. Т. 13, кн. 1. С. 213—270; 4) Киевский Начальный свод 1095 года. С. 117—160.

¹⁹ *Гиппиус А. А.* Новые данные о пономаре Тимофее — новгородском книжнике середины XIII века // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1992. Вып. 25. С.59—86.

(ОР РНБ, Соф., 1324)) и три пергаменных акта — договоры Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг. (РГАДА, Гос. древлехранилище, Отд. I, рубр. III, № 1,2,3; ГВНиП, № 1,2,3).

Отказ от атрибуции Тимофею пономарю «второго» почерка Синодального списка и выявление целого комплекса рукописей, действительно написанных его рукой, заставили в корне пересмотреть вопрос об отношении Тимофея к тексту НПЛ. Участие яковлевского пономаря в создании важнейших политических актов Новгородской республики, безусловно происходящих из софийской владычной канцелярии, свидетельствует о выполнении им роли секретаря новгородского архиепископа или, иначе говоря, владычного нотариуса. Обнаруживаемая таким образом причастность Тимофея к делам новгородской епископской кафедры позволяет предполагать в нем не ординарного переписчика яковлевской копии владычного свода, но одного из авторов самой владычной летописи.

Демонстрируемое примером Тимофея пономаря совмещение функций владычного нотариуса и владычного летописца кажется вполне естественным в условиях Древней Руси, еще не знавшей в рассматриваемую эпоху разделения книжного и канцелярского письма, столь характерного, например, для Византии или стран Западной Европы. Однако выполнение обеих этих ролей пономарем одной из приходских церквей Новгорода — факт, который, конечно, невозможно было бы предсказать, не располагая новыми данными. Между тем и в этом отношении пример Тимофея едва ли исключителен. Скорее, он отражает общее положение дел, проливая новый свет на характер литературной работы при новгородском владычном дворе и в его окружении. Патрональный храм Новгорода, естественно, не был и не мог быть изолирован от жизни его многочисленных приходов, находившихся в постоянном общении с Домом святой Софии. Конечно, непрерывное ведение на протяжении нескольких столетий летописных записей могло быть только инициативой епископской кафедры, и в этом смысле новгородское летописание было, безусловно, владычным. Однако, как показывает пример Тимофея пономаря, к выполнению этой работы могли привлекаться не обязательно «софьяне», но также и представители других новгородских церквей и монастырей, вне зависимости от своего иерархического положения заслужившие доверие владыки.

На протяжении какого времени вел Тимофей пономарь новгородскую владычную летопись?²⁰ Его упоминание о себе под 1230 г. отделено более чем тридцатью годами от времени написания им новгородско-княжеских докончаний — период слишком значительный, чтобы заключать лишь на основании двух названных фактов о принадлежности Тимофею всего текста НПЛ с начала 30-х по конец 60-х гг. XIII в. Такая атрибуция, однако, находит подтверждение в характере повествования данной части НПЛ, которая в стилистическом отношении, демонстрируя значительную внутреннюю однородность, резко выделяется на фоне всего остального текста владычной летописи за XII—

²⁰ Подробно этот вопрос будет рассмотрен в специальной работе, посвященной структуре владычной новгородской летописи за XII—XIV вв. Изложение ее основных результатов см.: *Гиппиус А. А.* Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 13—26.

XIII вв. Так, в указанном хронологическом интервале сосредоточены 10 из 11 канонических цитат, выявляемых в тексте НПЛ за XII—XIII вв., а также подавляющее большинство отступлений назидательного характера.²¹ Повествование НПЛ за эти годы, резко отличающееся от обычно скупого на краски и эмоции рассказа владычных летописцев, изобилует оценочными эпитетами, сравнениями, риторическими вопросами, насыщено специфически книжной лексикой. Все эти признаки сближают его с рассказом отдельных частей Начальной летописи, которая, по-видимому, и послужила стилистическим ориентиром для новгородского летописца. Прямым проявлением этой ориентации являются текстуальные заимствования из статьи 6576 г. Повести временных лет, обнаруживаемые в статьях НПЛ 6646 и 6676 гг.²²

Уточним границы летописного текста, созданного Тимофеем пономарем. Указанные стилистические признаки впервые четко выступают в обширной статье 6736(1228) г. В этой статье имеется важное хронологическое указание, позволяющее определить время ее написания. Говоря о резком увеличении цен на хлеб, летописец замечает: «и тако ста по 3 лѣта»(с. 66). Следовательно, статья написана не ранее 1230 г., под которым Тимофей и упоминает о себе в летописи. Создается впечатление, что, начав свою работу в 1230 г., Тимофей описал сначала события двух предыдущих лет, после чего обратился к текущим событиям. Предполагаемый таким образом двухлетний перерыв в ведении владычной летописи вполне объясним: большую часть этого времени, после добровольного ухода от дел архиепископа Антония в начале 1228 г., Новгород провел вообще без владыки, в условиях крайней политической нестабильности. Новый архиепископ — Спиридон — был избран лишь осенью 1229 г. С приходом нового владыки явился и новый владычный летописец.

Верхнюю границу летописи Тимофея по чисто стилистическим соображениям можно было бы определить как 1268 г.: под этим годом названные черты его стиля в последний раз выступают со всей определенностью. Однако и до 1268 г. эти черты проявляются не во всех погодных статьях. Поэтому большее значение следует, возможно, придавать тому факту, что после 1268 г. летопись еще на протяжении шести лет сохраняет свойственную манере Тимофея обстоятельность изложения. Картина резко меняется, начиная со статьи 6783(1275) г., открывающей ряд коротких и невыразительных в литературном отношении погодных записей. Таким образом, летопись Тимофея пономаря заканчивалась, по-видимому, статьей 6782(1274) г.²³ Статья эта содер-

²¹ Подчеркнем равномерность в распределении цитат и отступлений на данном участке текста НПЛ: так, явные и скрытые библейские цитаты присутствуют в статьях 6738, 6741, 6746(2х), 6759, 6765, 6767, 6776(3х) гг.; крупные (по новгородским масштабам) отступления — в статьях 6736, 6737, 6738, 6741, 6743, 6746, 6751, 6759, 6767, 6770, 6773, 6776 гг.

²² См. о них: *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи... С. 82. Стилистическая ориентация на Начальную летопись проявляется также в использовании формулы «мы же на прѣднее възвратимься», трижды представленной в рассматриваемой части НПЛ (6738, 6746, 6776 гг.) и не встречающейся за ее пределами.

²³ Атрибуции Тимофею статьи 6782 г., казалось бы, противоречит ультрамартовская датировка этой статьи, сближающая ее с рядом последующих записей (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 286—

жит подробное известие о смерти архиепископа Далмата и избрании нового новгородского владыки — Климента, что весьма показательно: смена архиепископа снова оказывается фактором, обуславливающим смену владычного летописца. Тимофей пономарь выступает, таким образом, как летописец двух новгородских владык — Спиридона (1229—1249) и Далмата (1250—1274).

В свете новых данных о Тимофее пономаре изменяется и трактовка фигуры Германа Вояты. Следует думать, что и Герман не был лишь автором местной яковлевской обработки владычной летописи, но сам состоял при владыке в той же роли, которую столетие спустя выполнял Тимофей пономарь. Напомним обстоятельства кончины яковлевского иерея, случившейся 1188 г. в Пскове, куда его «поя съ собою архиепископъ Гаврила»(с. 39). Г. И. Вздорнов, комментируя это сообщение, допускает, что «священнику церкви св. Иакова вменялось в обязанность присутствовать в составе новгородского владычного посольства в качестве летописца».²⁴ Однако с учетом известного лаконизма новгородских летописей едва ли следует предполагать присутствие в составе посольства специального летописца. Резоннее думать, что Герман Воята исполнял в данном случае роль посольского секретаря, естественно облегчавшую последующее составление летописных записей.

Тот факт, что яковлевские клирики, как, вероятно, и представители других новгородских церквей и монастырей, могли привлекаться к ведению владычной летописи, представляет проблему вклада церкви св. Иакова в новгородское летописание в совершенно новом свете. Упоминания о себе в Синодальном списке Германа Вояты и Тимофея пономаря уже не могут больше рассматриваться как доказательство существования особого летописного свода, составлявшегося при церкви св. Иакова, специальной местной обработки или хотя бы местного списка владычной летописи. Парадоксальным образом представление о церкви св. Иакова как особом центре новгородского летописания разрушается именно постольку, поскольку роль двух представителей ее клира в создании текста НПЛ оказывается существенно большей, чем она представлялась самим сторонникам софийско-яковлевской схемы.

290). Однако есть основания полагать, что датировка эта не является первоначальной. Дело в том, что текст, помещенный в младшем изводе НПЛ под 6781 г. (в соответствии с ультрамартовским стилем), первоначально входил в предыдущую статью 6780 г. Об этом свидетельствует тот факт, что фраза «прииха князь Дмитрии Александрович в Новгород и сѣде на столѣ мѣсяца октября въ 9», открывающая статью 6781 г. младшего извода, в Синодальном списке (который именно в этом месте прерывается из-за утраты тетради) продолжает статью 6780 г. По-видимому, Синодальный список точно отражал нумерацию статей своего владычного протографа, тогда как составитель младшего извода решил замаскировать шов, связанный с применением новым летописцем иного цикла летосчисления. Это можно было сделать, разбив на два года статью, предшествующую первой статье с ультрамартовской датировкой, каковой была, вероятно, статья 6783 г. Однако мартовская статья 6781 г. содержала лишь одно сообщение (известие о кончине владыки Далмата и избрании Климента) и потому не могла быть разделена на две. Поэтому сводчик младшего извода произвел эту операцию со статьей 6780 г., сделав из ее второй части статью 6781 г. и превратив мартовскую статью 6781 г. в ультрамартовскую 6782 г.

²⁴ *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог... С. 262.

Все, однако, не так просто, как может показаться. Отказавшись от софийско-яковлевской гипотезы в ее традиционном виде и предположив участие яковлевских клириков в создании общеновгородской владычной летописи, мы должны как-то объяснить различное положение заметок Тимофея пономаря и Германа Вояты в структуре текста НПЛ. Действительно, если молитвенное обращение Тимофея под 1230 г. читается как в старшем, так и — с заменой имени Тимофея на имя попа Иоанна — в Академическом списке младшего извода (с. 278), то автобиографическая заметка Германа Вояты под 1144 г. и запись о его смерти под 1188 г. принадлежат к числу известных, читаемых исключительно в Синодальном списке и полностью отсутствующих в младшем изводе. Причины, объясняющие это различие, коренятся, очевидно, в соотношении текстов старшего и младшего изводов НПЛ, к которому мы теперь и обратимся, начав с вопроса, уже неоднократно рассматривавшегося исследователями памятника.

Был ли использован Синодальный список составителем младшего извода НПЛ?

Согласно схеме развития новгородского летописания, предложенной А. А. Шахматовым в 1908 г., появлению НПЛ младшего извода предшествовало создание в 1423 г. «Софийского временника», составленного на основании: «1) дефектного экземпляра Начального Киевского свода ... 2) Синодального списка или, вернее, его протографа и 3) владычной новгородской летописи. Составитель Софийского временника положил в основание своего труда Начальный Киевский свод, ему он следовал включительно до 1074 г., начиная с 1075 (6583) г. он держался Синодального списка, вернее, его протографа, местами исправляя и дополняя его по владычной летописи; начиная с 1331(6839) г. он следовал одной владычной летописи».²⁵ Позднее А. А. Шахматов несколько изменил свой взгляд на соотношение «Софийского временника» и НПЛ младшего извода, предположив, что «Софийским временником и названа была в Новгороде Новгородская 1-я летопись младшего извода»,²⁶ точнее, первая ее редакция, созданная в 1433—1434 гг. Однако представление Шахматова об источниках этого свода не претерпело при этом существенных изменений. Одним из главных источников «Софийского временника» и соответственно младшего извода НПЛ он продолжал считать Синодальный список или его непосредственный протограф — «свод 1333 г.».

Сам «свод 1333 г.» представлялся А. А. Шахматову как основанный на своде церкви св. Иакова XII—XIII вв., который был продолжен по архиепископской летописи и распространен вставками из общерусского свода начала XIV в. («Владимирского полихрона»). Эти предполагаемые вставки из общерусского свода начала XIV в.,²⁷ отсутствовавшие, как полагал Шахматов, во владычной летописи, были для него главным доказательством того, что составителем «Софийского временника» был

²⁵ Шахматов А. А. Разыскания... С. 193.

²⁶ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 137—138.

²⁷ См. их перечень: Шахматов А. А. Обозрение... С. 130—131.

использован как главный источник сам Синодальный список или его протограф, но не владычная летопись непосредственно. В настоящее время шахматовская гипотеза о «Владимирском полихроне» начала XIV в. (большинством исследователей оставлена.²⁸ Основная часть известий, возводимых Шахматовым к этому источнику, находит себе соответствия в других летописях — Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской — лишь на уровне содержания.²⁹ Усматривать в них текстуальные заимствования из дополнительного летописного источника нет оснований: ничто не мешает считать соответствующие записи сделанными в Новгороде по устным сообщениям из Южной и Северо-Восточной Руси.

Бесспорно заимствованы из неновгородского летописного источника лишь рассказ об убийстве Глебом Рязанским рязанских князей под 6726(1218) г. (читаемый только в старшем изводе НПЛ) и начало рассказа о Калкской битве в статье 6732(1224) г., дословно совпадающие с текстом Лаврентьевской летописи. Но, как справедливо замечает Я. С. Лурье, нет никаких оснований возводить эти известия начала XIII в. к источнику начала XIV в.³⁰ Впрочем, и сам А. А. Шахматов в работе о Киевском Начальном своде отказался от возведения этих текстов к «Владимирскому полихрону», предположив заимствование их из южнорусского свода XIII в., что кажется весьма вероятным.³¹ Важно, однако, кем и когда было осуществлено это заимствование из южнорусского источника. По Шахматову, его произвел в XIV в. составитель Синодального списка (или его протографа), откуда указанные известия и перешли затем в младший извод НПЛ. Между тем ничто не мешает возводить оба текста к новгородскому владычному своду, в который они вполне могли попасть еще в XIII в., вскоре после своего создания.

Показательно в этом отношении отсутствие в младшем изводе рассказа о преступлении Глеба Рязанского. Вряд ли его можно считать сознательно опущенным составителем младшего извода: последний не только не сокращал общерусские известия, но даже дополнял свой основной источник общерусским материалом, извлеченным из свода — протографа Софийской I и Новгородской IV летописей (см. ниже). К тому же вместе с рассказом об избении рязанских князей в младшем изводе отсутствует заключительная часть предыдущего новгородского известия: «Новгородци же послаша Смяслыну по Святославу по Ростиславицу, и приде в Новгородъ мѣсяца августа въ 1» (с. 58, ср. с. 259).

²⁸ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 95.

²⁹ Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 108. См. также: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 34.

³⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 34.

³¹ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 149. Менее вероятно предположение М. Х. Алешковского, возводящего эти сообщения к Владимирской летописи. Дело в том, что заимствованной из неновгородского источника является в НПЛ, по-видимому, вся Повесть о битве на Калке, а не только ее начало (см. аргументацию этого положения: Fennell J. The Tatar Invasion of 1223: Source problems // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1980. Bd 27. S. 18—31). Между тем в памятниках, отражающих владимирскую летописную традицию, Повесть подверглась существенному сокращению.

Думается, что столь явный обрыв фразы мог явиться лишь следствием утраты листа в протографе младшего извода. Этим протографом, следовательно, не мог быть ни Синодальный список, ни гипотетический «свод 1333 г.», но только владычный свод, утративший к моменту работы сводчика младшего извода лист с рассказом о преступлении Глеба Рязанского. Важно также другое. Представляется совершенно невероятным, чтобы случайно утраченным оказался лист, содержащий текст одной из немногих вставок во владычную летопись, и только его (следующее новгородское известие исправно представлено в обоих изводах). Но это вполне могло произойти, если утраченный рассказ был вставкой не только в текстологическом, но и в кодикологическом смысле, будучи размещен во владычном своде на отдельном вставном листе, на который было списано и окончание последней фразы предыдущей страницы.³²

Такой же кодикологической вставкой, но только сохранившейся во владычном своде к моменту создания младшего извода НПЛ, могла быть и повесть о битве на Калке. Различную судьбу вставок можно было бы в таком случае объяснить случайной утратой одной из них и столь же случайным сохранением другой. Однако различие это может и не быть случайным. Дело в том, что Повесть о битве на Калке, главным действующим лицом которой является Мстислав Галицкий, органически вписывается в ряд предыдущих статей НПЛ, описывающих в неизменно сочувственных и даже панегирических тонах деятельность того же Мстислава как новгородского князя. Кажется весьма убедительным предположение М. Х. Алешковского, увидевшего в таком отношении к Мстиславу особенность позиции летописца архиепископа Антония, занимавшего новгородскую кафедру с перерывами с 1210 по 1228 г. Рассказ об участии Мстислава в Калкской битве М. Х. Алешковский считает записанным в Новгороде со слов Антония, вернувшегося на кафедру в 1225 г. из Перемышля.³³ Следуя в этом вопросе за Дж. Феннеллом (см. примеч.31), мы уже признали всю Повесть о Калкской битве заимствованной из южнорусского источника. Соблазнительно думать, что этот источник попал в Новгород с вернувшимся из Южной Руси Антонием. К этому времени статья 6732 г. владычной летописи могла быть еще не написана, а если и была написана — ее ничего не стоило переписать, вставив рассказ о Калкской битве, который, таким образом, оказался с самого начала включенным в основной текст владычного свода в отличие от рассказа о преступлении Глеба Рязанского, вставленного в статью 6726 г. чисто механическим способом.

К южнорусскому своду XIII в. А. А. Шахматов возводит и группу южнорусских известий статей 6711 и 6712 гг., имеющих соответствия в Радзивилловском и Московско-Академическом списках Суздальской летописи.³⁴ Наличие у этих известий неновгородского летописного ис-

³² Вторичным воспроизведением этой фразы при вставке рассказа о преступлении Глеба Рязанского может быть объяснен тот факт, что князь Святослав Мстиславич ошибочно назван здесь Ростиславичем.

³³ Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. С. 108.

³⁴ Эти известия полнее представлены в младшем изводе, где под 6711 г. читаются сообщения о разграблении Киева Рюриком в союзе с Ольговичами и

точника весьма вероятно, однако характер использования этого источника здесь совсем иной, чем в статьях 6726 и 6732 гг.³⁵ Возможно поэтому, что данная группа сообщений имеет своим источником не южнорусский свод, а владимирский свод начала XIII в., который мог быть использован новгородским владычным летописцем непосредственно после его составления. Предполагать такое использование позволяет тот факт, что как раз в это время новгородская кафедра находилась в сильнейшей зависимости от суздальского великого князя Всеволода III, ставленником которого фактически являлся архиепископ Митрофан.³⁶ Заметим также, что обращением к Владимирской летописи, записи которой в это время делались в ультрамартовском стиле, может быть объяснена та неоднократно отмечавшаяся исследователями хронологическая путаница, которая начинается в НПЛ после 6711 г.³⁷

Итак, в общерусских известиях двух изводов НПЛ, в том числе и восходящих к неновгородским летописным источникам, нет ничего, что бы заставляло предполагать использование составителем младшего извода Синодального списка или его гипотетического протографа — «свода 1333 г.». Все эти известия вполне могли перейти в младший извод непосредственно из владычного свода. В таком случае излишней оказывается и реконструкция «свода 1333 г.» как протографа Синодального списка. С другой стороны, против этой реконструкции говорят и кодикологические данные, детально разобранные А. Н. Насоновым.³⁸ Различия между двумя частями Синодального списка в качестве пергамента, структуре тетрадей, разлиновке листов, не говоря уже об огромной палеографической и лингвистической дистанции, проанализированной Б. М. Ляпуновым,³⁹ свидетельствуют о разновременности их создания и заставляют рассматривать Синодальную рукопись как уникальный в

половцами (в Суздальской летописи — под тем же годом), о походе русских князей на половцев и о пострижении Рюрика Романом (в Суздальской — под 6713 г.), а под 6712 г. — известие о походе Ольговичей на Литву (в Суздальской — под 6712 г.). В Синодальном списке читаются лишь первое и последнее известия, причём запись о походе Ольговичей перенесена в статью 6711 г. (Вся статья 6712 г. занята в нем Повестью о взятии Царьграда фрягами). Большую полноту младшего извода А. А. Шахматов вынужден был объяснять независимым использованием южнорусского свода составителем Синодального списка и сводчиком младшего извода. В действительности же младший извод просто лучше сохранил состав и расположение статей владычной летописи.

³⁵ В основном совпадает лишь содержание известий, и то не полностью. Имеется, однако, и бесспорное текстуальное совпадение (сообщение о походе на половцев), заставляющее исключить возможность независимого происхождения данной группы известий в НПЛ и Суздальской летописи.

³⁶ См. беспрецедентное в своем роде сообщение статьи 6707 г. об избрании Митрофана: «Идоша людье с посадникомъ и съ Михалкомъ къ Всѣволоду; и прия е съ великою честию и въда имъ сынъ Святославъ; а въ Новѣгородѣ, съдумавъ съ посадникомъ, присла, и съ новѣгородьши, и въведе въ епискупию Митрофана, мужа Богомъ избѣрана» (с. 44, ср. с. 238). Ср. сообщение о поставлении Митрофана под 6709 г.: «и иде въ Русь ставиться къ митрополиту съ новгородьскими мужи и съ Всѣволожими» (с. 45, ср. с. 239)

³⁷ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 247.

³⁸ Новгородская первая летопись... С. 6.

³⁹ Ляпунов Б. М. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1900.

своем роде список. Речь может идти, таким образом, лишь об использовании или неиспользовании составителем младшего извода НПЛ самого Синодального списка, а не старшего извода как определенного типа текста, никогда, по-видимому, не существовавшего.

Именно так ставит вопрос В. Л. Янин и решает его положительно. Отправным пунктом в рассмотрении данной проблемы для В. Л. Янина явилось наблюдение над помещенным в младшем изводе НПЛ под 6497 г. списком новгородских князей, оформление которого в его нынешнем виде ученый относит к 1423 г. Сопоставляя этот список с подлинной последовательностью смены князей на новгородском столе, В. Л. Янин обнаружил в нем лауну между упоминанием княжения Василия Ярославича (зима 1272/73—зима 1276/77) и последнего княжения Андрея Александровича (1298—1304). Заметив, что разрыв в списке князей почти в точности совпадает с лакуной в Синодальном списке (1273—1298), В. Л. Янин заключил, что именно Синодальный список и послужил главным источником для составителя княжеского списка, а несколько позже — и для составителя младшего извода НПЛ. Подтверждение этому В. Л. Янин находит в хронологических «швах», обнаруживаемых в младшем изводе на обеих границах указанного участка. Швы эти, как считает исследователь, возникли вследствие привлечения составителем младшего извода для восполнения лакуны Синодального списка летописи иной семьи, использовавшей в отличие от Синодального списка ультрамартовский цикл летосчисления.⁴⁰

По мнению В. Л. Янина, составитель младшего извода НПЛ обратился к воспроизведению Синодального списка лишь начиная с 6712 г.; до этого расхождения двух изводов таковы, что не позволяют видеть в Синодальной рукописи непосредственный источник младшего извода.⁴¹ Последнее положение представляется абсолютно справедливым. Думается, однако, что и в части после 6712 г. считать Синодальный список источником младшего извода НПЛ нет достаточных оснований. Как замечает сам В. Л. Янин, пропуск, совпадающий с лакуной Синодального списка,⁴² — не единственный в перечне новгородских князей: по соседству с ним имеется еще один пропуск, который исследователь склонен объяснять обычной гаплографической ошибкой. Между тем в обоих случаях характер пропусков один и тот же: пропущенными оказались имена князей, по несколько раз сменявших друг друга в Новгороде на протяжении коротких промежутков времени — Дмитрия Александровича и Андрея Александровича в одном случае и Михаила Ярославича и Юрия Даниловича — в другом. Скорее всего, составитель списка вполне сознательно опустил эти подробности пере-

⁴⁰ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 161—166.

⁴¹ Там же. С. 173, 181.

⁴² Совпадение это, кстати, является неполным. Как отмечает сам В. Л. Янин, из-за утраты тетради в Синодальном списке отсутствует известие о вокняжении в Новгороде в 1272 г. Дмитрия Александровича и его изгнании из города в тот же год. Эта информация имеется, однако, в списке князей, что заставляет В. Л. Янина предполагать постепенную утрату тетради, от которой ко времени составления княжеского перечня еще сохранялся первый лист. Это допущение, заметим, существенно понижает правдоподобие всего построения В. Л. Янина.

мен на новгородском столе, ограничившись однократным упоминанием каждого из его обладателей.⁴³

Трудно согласиться и с предположением В. Л. Янина, что для заполнения лакуны, имевшейся в Синодальном списке, составителем младшего извода была привлечена «летопись иной семьи». Спору нет, попытка сводчика младшего извода НПЛ замаскировать переход от мартовского стиля к ультрамартовскому и обратно на границах текста за 1273—1298 гг., действительно, имела место. Но, как было показано выше (примеч. 23), ультрамартовский стиль характеризовал не «летопись иной семьи», привлеченную для заполнения лакуны Синодального списка, а записи во владычном своде летописца архиепископа Климента, пришедшего на смену Тимофею пономарю. Таким образом, аргументы В. Л. Янина, призванные подтвердить использование составителем младшего извода НПЛ Синодального списка, не достигают своей цели.

Имеется, однако, бесспорное свидетельство того, что Синодальный список все же был использован сводчиком младшего извода НПЛ. Это впервые отмеченный А. А. Шахматовым⁴⁴ факт воспроизведения в младшем изводе под 6845 и 6853 гг. приписок к Синодальному списку, связанных с Юрьевым монастырем. Наиболее показательно отражение в младшем изводе записи 6853(1345) г. о поновлении монастырского собора, ярко выраженный местный характер которой был несколько сглажен сводчиком XV в., устранившим указательное местоимение во фразе: «Поновлена бисть церкви (си) святыи Георгии» (с. 100, ср. с. 357). Однако воспроизведение приписок к рукописи совсем не означает, что рукопись в целом была использована как протограф. Составитель младшего извода вполне мог обратиться к юрьевскому списку с владычной летописи лишь для того, чтобы списать с его последних листов приписки, относящиеся к Юрьеву монастырю. Текст же самой владычной летописи естественно было извлечь из ее оригинала, если, конечно, сводчик имел к нему доступ.

В том, что составитель младшего извода действительно располагал текстом владычного свода, более полным и исправным, чем дошедший до нас в Синодальном списке, сомневаться не приходится. Это было совершенно ясно и А. А. Шахматову, собравшему из разных мест НПЛ около двадцати убедительных примеров, иллюстрирующих данное положение.⁴⁵ Приведем лишь один из них. В статье 6738(1230) г. чтению старшего извода «и пристави мужа блага, смирена, именем Станила» (с. 70) соответствует в младшем изводе «и пристави мужа блага и смирена именем Станилу, братъ Домажировъ иконнаго писца» (с. 277). Понятно, что деталь, отсутствующую в Синодальном списке, составитель младшего извода ни из какого другого источника, кроме как из самого владычного свода, извлечь не мог.

⁴³ Отсутствие в княжеском списке имени Даниила Александровича (1296—1298) объясняется тем, что его кратковременное княжение осталось не упомянутым владычной летописью, бывшей единственным источником для составителя списка. О княжении в Новгороде Даниила Александровича см.: Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 60; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 153—155.

⁴⁴ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 128.

⁴⁵ Там же. С. 129—130.

Шахматовский список более исправных по сравнению с Синодальным списком чтений младшего извода легко может быть пополнен. Остановимся лишь на одном аналогичном случае как представляющем еще и особый интерес. Имею в виду широко обсуждавшееся разночтение двух изводов в статье 6840(1332) г. В Синодальном списке эта статья (написанная на дополнительных листах) содержит среди прочего следующее известие: «Того же лѣта великий князь Иванъ приде из Орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамского, и в томъ взя Торжекъ и Бѣжичьскыи верхъ за новгородскую измѣну» (с. 99). В младшем изводе вместо слов «за новгородскую измѣну» читается «через крестное цѣлование» (с. 344). Чтение Синодального списка безусловно вторично: слова написаны по выскобленному тексту. Д. С. Лихачев увидел в произведенной замене работу московского цензора XV—XVI вв.⁴⁶ Недавно, однако, В. Водов обратил внимание на важную кодикологическую деталь, противоречащую этому предположению: слова «за новгородскую измѣну» были написаны по выскобленному на лицевой стороне л. 167 еще до того, как был написан текст известия 6845(1338) г. на обороте того же листа!⁴⁷ В том, что показалось Д. С. Лихачеву проявлением позднейшей «московской цензуры», В. Водов не без основания усматривает следы промосковской интриги, свившей гнездо в Юрьеве монастыре еще во второй четверти XIV в. Для нас, впрочем, важно сейчас другое: текст младшего извода в данном случае явно восходит к владычному своду, минуя Синодальный список, в котором первоначальное известие владычной летописи подверглось искажению.

Подобные расхождения старшего и младшего изводов НПЛ А. А. Шахматов объясняет тем, что составитель младшего извода, списывая с Синодального списка, тем не менее постоянно справлялся с владычной летописью, исправляя и дополняя по ней чтение своего основного источника.⁴⁸ Искусственность этого объяснения очевидна. Непонятно, зачем было составителю младшего извода, располагавшему самой владычной летописью, списывать не с нее, а с заведомо менее авторитетного и исправного Синодального списка и при этом постоянно обращаться к владычной летописи за исправлениями. Не проще ли было списывать с самого владычного оригинала?

Прибегнуть к столь малоправдоподобному объяснению А. А. Шахматов мог, лишь предполагая а priori, еще до подведения разночтений двух изводов, использование Синодального списка составителем младшего извода НПЛ. Предположение же это было необходимо А. А. Шахматову как важнейшее звено в обосновании его схемы использования в новгородском летописании двух вариантов Начальной летописи — Начального свода 1095 г. и Повести временных лет. Между тем непред-

⁴⁶ Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 184.

⁴⁷ См.: Vodoff W. Quelques remarques... P. 152.

⁴⁸ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 129. Сходное предположение высказывает и В. Л. Янин, считая, что основой текста младшего извода с 6712 по 6838 г. послужил Синодальный список, сверенный с продолжением «Софийского временника» (см.: Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 180).

взятое рассмотрение даже собранного самим А. А. Шахматовым материала явно не позволяет видеть в Синодальном списке один из главных источников младшего извода и ведет к единственно возможному выводу, уже сформулированному в общем виде М. Х. Алешковским: совпадение на значительном протяжении текстов двух изводов НПЛ может объясняться лишь независимым восхождением их к единому владычному протографу, переданному с разной степенью полноты и исправности.⁴⁹ К этому следует добавить, что составителем младшего извода был использован и Синодальный список, но только как дополнительный источник и в очень незначительном объеме: из него был извлечен лишь текст двух записей на дополнительных листах, относящихся к Юрьеву монастырю.

Источники Синодального списка

Только что сделанный вывод существен для выявления дополнительных источников обоих изводов НПЛ, отличных от владычного летописного свода. Разделявшийся до сих пор большинством исследователей НПЛ взгляд на Синодальный список как один из главных источников младшего извода фактически означал отсутствие объективных критериев для определения состава известий самой владычной летописи, которая оказывалась при этом как бы заслонена от нас Синодальным списком. Это позволяло довольно свободно обходиться с текстом Синодального списка, относя по разным соображениям к его местной (яковлевской или юрьевской) составляющей не только известия, отсутствующие в младшем изводе НПЛ, но и те, которые являются общими для двух изводов. Так, Д. С. Лихачев, реконструируя состав яковлевского свода Германа Вояты, возводит к нему разнообразные записи бытового содержания (нередко сделанные от первого лица), сообщающие «об уличных происшествиях, о погоде, о сене, о дровах, об урожае, о состоянии воды в Волхове, о поломках и починках моста через Волхов, о раннем громе и поздно стоящей дождливой погоде».⁵⁰ Подавляющее большинство этих известий читается как в Синодальном списке, так и в младшем изводе НПЛ. Сходным образом поступает Н. Н. Подвигина, доказывая факт создания Синодального списка в Людине конце Новгорода политическими симпатиями летописца, обнаруживающими себя в описании событий 1219—1220 гг., также присутствующем в обоих изводах НПЛ.⁵¹ Такое не контролируемое никакими внешними сопоставлениями разграничение в тексте НПЛ известий, восходящих к разным источникам, неизбежно страдает от субъективизма, и достоверность его кажется довольно сомнительной.⁵²

Вывод о независимом воспроизведении в двух изводах НПЛ общего владычного протографа обязывает нас к более строгому обращению с

⁴⁹ См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 113—114.

⁵⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 213.

⁵¹ См.: Подвигина Н. Н. К вопросу о месте составления... С. 74.

⁵² В этом отношении значительно более корректен В. Л. Янин, ограничивающий круг «яковлевских» записей второй половины XII в. известиями Синодального списка, отсутствующими в младшем изводе (см.: Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 171—172).

текстом памятника. В принципе, конечно, зная, что составитель младшего извода был знаком с Синодальным списком, мы по-прежнему можем объявить восходящим к нему (вернее, к его «местной» составляющей) любое известие, читаемое в обоих изводах НПЛ. Но речь в таком случае должна идти уже о целенаправленном заимствовании в младший извод конкретных известий, отсутствовавших во владычной летописи, а не об автоматическом воспроизведении их вместе со всем текстом Синодального списка, а это предполагает со стороны сводчика младшего извода постоянную сверку его владычного оригинала с Синодальным списком. Но как объяснить тогда наличие в Синодальном списке большого числа избыточных относительно младшего извода известий? Тем, что эта сверка была проведена недостаточно тщательно? Однако, как мы увидим ниже, эти избыточные известия тематически и хронологически связаны между собой и не могут рассматриваться как случайно оставшиеся неперенесенными из Синодального списка в младший извод.

Все это заставляет, говоря об источниках старшего и младшего изводов НПЛ, исходить из презумпции принадлежности текста, общего для двух изводов, новгородскому владычному своду, и возводить к дополнительным источникам лишь известия, читающиеся только в старшем или только в младшем изводе.⁵³ Следует, впрочем, учитывать, что отсутствие известия в одном из изводов может быть не только следствием использования в другом изводе дополнительного источника, но и результатом пропуска известия, читавшегося во владычной летописи.

Сформулировав эти элементарные правила, обратимся к расхождению двух изводов в части после 6582 г. и попытаемся выяснить их происхождение.

Для младшего извода в части с 6583 по 6838 г. дополнительными источниками явились Житие Александра Невского, размещенное во фрагментах под 6748, 6750, 6754 и 6759 гг., Повесть о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Федора, помещенная под 6753 г., и Повесть о Куликовской битве, фрагментарно использованная в статье 6888 г. По-видимому, как это предположил еще А. А. Шахматов, в младший извод НПЛ эти тексты попали из свода — протографа Софийской I и Новгородской IV летописей, известного в литературе как «Новгородско-Софийский свод 30-х гг. XV в.» или как «свод 1448 г.»⁵⁴ В остальных случаях наличие в младшем изводе известий, отсутствующих в Синодальном списке или представленных в нем в сокращенном виде, должно объясняться его большей верностью владычному своду.

⁵³ Отступления от этого принципа возможны лишь тогда, когда имеются очевидные доказательства происхождения текста, читаемого в обоих изводах, из источника, отличного от владычной летописи, как это имеет место в случае с юрьевскими приписками к Синодальному списку 6845 и 6852 гг.

⁵⁴ О сложном соотношении этого источника и младшего извода НПЛ см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 91—93. Вопрос о времени создания свода — протографа Софийской I и Новгородской IV продолжает оставаться предметом дискуссий. Из последних работ на данную тему см.: Бобров А. С. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 1—20 (с датировкой этого свода 1418 г.); Лурье Я. С. Феодалная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. 1993. Т. 47. С. 82—94 (с датировкой 1434—1437 гг.).

Эти известия равномерно распределены по тексту младшего извода, никак не связаны между собой тематически, а в ряде случаев бесспорно отражают первоначальные чтения владычной летописи.⁵⁵ Предполагать систематическое использование составителем младшего извода в рассматриваемой его части дополнительного летописного источника (кроме двух приписок к Синодальному списку), кажется, нет оснований.⁵⁶

Известия Синодального списка, отсутствующие в младшем изводе, распределены по тексту рукописи неравномерно, хотя присутствуют в обеих ее частях. Они имеются и на дополнительных листах, где представлено сочетание известий, переписанных из владычной летописи, с записями, сделанными, безусловно, в Юрьеве монастыре.⁵⁷ Нельзя утверждать с уверенностью, но кажется весьма вероятным, что и работа писца второй части рукописи, дополнившего по владычному своду утраченную окончание первую часть, была также связана с Юрьевым монастырем. В этой части Синодального списка сообщений, отсутствующих в младшем изводе, сравнительно немного. Трудно сказать, является ли их отсутствие в Комиссионном и Академическом списках следствием сокращений, допущенных сводчиком XV в., как считает В. Л. Янин,⁵⁸ или же, напротив, следствием использования писцом второй части Синодального списка дополнительных источников (напримечатель, юрьевских летописных записей, что предполагает И. М. Троицкий).⁵⁹ Впрочем, для нас сейчас этот вопрос принципиального значения не имеет.

Наибольшее внимание исследователей справедливо привлекали избыточные известия первой части Синодального списка. Их полный перечень имеется в работах И. М. Троицкого и В. Л. Янина.⁶⁰ Эти известия встречаются лишь в таких хронологических рамках они распределены неравномерно: 14 из 16 приходятся на время с 6675 по 6703 г., причем

⁵⁵ См.: Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 129—130.

⁵⁶ Впрочем, в одном случае происхождение избыточного по сравнению с Синодальным списком известия младшего извода остается для нас неясным. В середине статьи 6730 г. в нем читается сообщение: «А Ярославичи смолняне взяли Полтескъ, генваря въ 17, при князь Борисъ и Пльбѣ» (с. 263). Возвести эту запись к владычной летописи невозможно по двум причинам. Во-первых, она отсутствует не только в Синодальном списке, но и в текстологически не связанном с ним Тверском сборнике, где имеются все остальные сообщения данной статьи. Во-вторых, это единственная запись в этой части младшего извода, в которой главное действие выражено не аористом («взяша»), а перфектным причастием («взяли»). Все это делает вероятным заимствование данного известия сводчиком младшего извода из особого неизвестного нам источника.

⁵⁷ Юрьевское происхождение этих записей особенно отчетливо выступает в статье 6841 г., в которой известие владычной летописи о строительстве каменной крепости архиепископом Василием продолжено отсутствующим в младшем изводе и явно записанным монастырским летописцем сообщением о возведении архимандритом Лаврентием каменной стены вокруг Юрьева монастыря.

⁵⁸ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 179.

⁵⁹ Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 348.

⁶⁰ Там же. С. 346—347; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 171—172.

особо выделяется промежуток с 6696 по 6703 г., когда в течение 7 лет дополняющие владычную летопись сообщения обнаруживаются в каждой погодной статье. Не менее характерна тематика дополнительных известий этой части рукописи, в большинстве своем относящихся к четырем группам. Первую группу образуют известия о переменах игуменов и игумений новгородских монастырей (статьи 6675, 6687, 6700, 6702, 6703 гг.). Вторая группа состоит из записей о строительстве церквей (статьи 6692, 6701, 6703 гг.). В третью группу входят известия о рождении детей у князя Ярослава (статьи 6697, 6698, 6699, 6701 гг.). Наконец, особую группу составляют два сообщения, связанные с Германом Воятой: его автобиографическая заметка под 6652 г. и запись о смерти Германа под 6696 г. Вне этой группировки оказываются лишь два известия: о пожаре в Холме под 6652 г. и о строительстве нового моста через Волхов под 6696 г. (характерно, что оба они непосредственно соседствуют с записями, связанными с Германом Воятой).

Отмеченные особенности дополнительных известий данной части Синодального списка делают весьма вероятным предполагаемое большинством исследователей происхождение их из особого, отличного от владычной летописи источника.⁶¹ Что представлял собой этот источник? Как и когда он был соединен с владычной летописью? В принципе таким источником могла бы стать и серия отдельных записей, не вошедших в летописный свод, но сделанных на полях или последних листах церковных рукописей: примеры такого рода известны.⁶² В нашем случае, однако, такое допущение маловероятно. Ряд фактов указывает на то, что дополнительным источником Синодального списка была летопись, представлявшая собой копию с владычного свода, дополненную местными записями.

Главным доказательством этого остается автобиографическая заметка Германа Вояты, которую невозможно себе представить вне летописного текста. По-видимому, именно Герман Воята, как предположил еще М. П. Погодин,⁶³ положил начало списку с владычной летописи, использованному писцом первой части Синодального списка. После его смерти, наступившей в 1188 г., этот список был продолжен, причем с дополнениями, первым из которых стала запись под 6696 г. о смерти самого Германа.⁶⁴ Характерно, что именно с нее в Синодальном списке

⁶¹ См.: Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 348; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 172; Клоос Б. М. Летопись новгородская первая. С. 246. Ср. точку зрения А. А. Шахматова, считавшего эти известия случайно пропущенными составителем «Софийского временника» (Шахматов А. А. Разыскания... С. 200).

⁶² См., например, записи в рукописи Устава конца XII в. (ГИМ, Син. 330) о строительстве Благовещенского монастыря (1170) и смерти архиепископов Ильи (1185) и Гавриила (1193) или записи 1296 г. в ноябрьской Минее XII в. (ГИМ, Син. 161) о призвании князя Даниила и строительстве моста через Волхов (см.: Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольищенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1: Рукописи русские // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 146, 152—153).

⁶³ Погодин М. П. Новгородские летописи. С. 229.

⁶⁴ Непосредственно перед записью о смерти Германа Вояты в Синодальном списке помещена краткая заметка, также отсутствующая в младшем изводе: «Томъ же лѣтъ дѣлаша мость новъ чересь Волхово по сторонь ветъхаго» (с. 39).

начинается непрерывный ряд дополнений к статьям владычной летописи, обнаруживаемых в каждой погодной статье на протяжении восьми лет.

Этот ряд завершают несколько дополнительных известий в статье 6703(1195) г. Крайне показательное, что первое из них представляет собой не самостоятельное сообщение, но прямое продолжение известия владычной летописи: «Тои же осени заложи церковь святого Въскресе-ния камяну въ монастыри владыка Мартурии и въздѣлаша до двѣрии около до осени» (с. 42). Эта деталь не только окончательно убеждает в том, что протографом Синодального списка в этой его части мог быть только список с владычной летописи, дополненный местными записями, но и позволяет определить, когда эти местные записи были соединены с владычной летописью. Действительно, известие о закладке церкви Воскресения могло быть переписано и продолжено лишь в том же 1195 г.: на следующий год церковь была закончена строительством и сообщение о доведении его до определенного этапа теряло всякую актуальность.

После 6703 г. дополнительные известия внезапно прекращаются; на остальном протяжении первой части Синодального списка их нет.⁶⁵ Таким образом, начиная с 6704 г. и до конца первой части Синодального списка (6742 г.), ничто не заставляет нас предполагать между ним и владычным сводом какое-либо промежуточное звено. Для М. П. Погодина, А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева и других сторонников софийско-яковлевской гипотезы основанием для такого предположения было имя Тимофея пономаря, в котором исследователи видели продолжателя основанного Германом Воятой свода церкви св. Иакова. Но, как мы теперь знаем, Тимофей был одним из авторов владычной летописи и именно в этом качестве упомянул о себе под 1230 г. К списку Германа Вояты он отношения не имеет.

Не означает ли это прекращение с 6704 г. избыточных по сравнению с младшим изводом сообщений, что лишь до 6703 г. доходил дополненный местными известиями список владычной летописи, исполь-

Что побудило преемника Вояты занести в летопись это известие, по своей тематике отличающееся от других дополнительных известий данной части Синодального списка? Ответ на этот вопрос, по-видимому, содержится в статье 1144 г., начинающейся с аналогичного по содержанию и форме сообщения: «Дѣлаша мость въсь чересь Волхово, по стороне ветъхаго, новъ въсь» (с. 27). Несколько ниже в той же статье читается запись Германа Вояты о поставлении его попом. Зная об авторстве этой записи, продолжатель списка, начатого Воятой, не мог оставить без внимания то символическое обстоятельство, что со-рокапятителнее пастырское служение его предшественника оказалось как бы обрамлено двумя перестройками волховского моста, игравшего, как известно, исключительно роль в жизни средневекового Новгорода.

⁶⁵ Не считаю восходящим к особому источнику упоминание в статье 6704 г. имени художника (Гречина Петровича), расписавшего надвратную церковь Ризоположения: не составляя отдельного сообщения, оно вполне могло быть пропущено в младшем изводе. Это тем более вероятно, что при открывающем статью известии о возведении церкви св. Кирилла в Нелезне в младшем изводе имеется совершенно аналогичное указание имени мастера: «а мастеръ бѣше с Лубяньи улицѣ Коровъ Яковличъ» (с. 235). По-видимому, перед нами два однотипных сообщения владычной летописи, одно из которых лучше сохранилось в младшем изводе, а другое — в Синодальном списке.

зованный писцом Синодального списка, и что начиная с 6704 г. оригиналом рукописи послужил уже непосредственно владычный свод? Подтвердить это предположение могли бы дополнительные следы смен протографа Синодального списка между 6703 и 6704 гг., и такие следы действительно обнаруживаются. Имею в виду характер отражения в Синодальном списке следов редактирования владычной летописи за последние годы XII в. Этот эпизод в истории текста новгородской владычной летописи заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, в связи с чем нам придется несколько отвлечься от основного хода наших рассуждений.

Расхождения двух изводов в части, охватывающей события последней четверти XII в., не исчерпываются избыточными известиями Синодального списка, но включают также два случая противоположного характера. В статье 6701 (1193) г. в старшем изводе не достаёт по сравнению с младшим подробностей рассказа об избрании архиепископа Мартирия и эпизода с предательством Саввы (Савки, Савицы) в рассказе о неудачном походе новгородцев на Югру, закончившемся полным истреблением новгородского отряда. Оба фрагмента до сих пор рассматривались исследователями как принадлежавшие первоначальному рассказу владычной летописи и опущенные писцом Синодального списка или его протографа.⁶⁶ Между тем возможно утверждать обратное: в действительности в младшем изводе мы имеем дело со вставками, тогда как Синодальный список содержит первоначальный текст. В этом убеждают особенности включения обоих фрагментов в общий контекст статьи, обнаруживающий их вставной характер.

В Комиссионном списке рассказ об избрании Мартирия имеет следующий вид (выделен курсивом текст младшего извода, отсутствующий в Синодальном списке, в скобках — текст Синодального списка, отсутствующий в списках младшего извода): «Новгородци же съ княземъ Ярославомъ, съ игумены и съ софияны и съ попы (съдумавъше, изволиша Богомъ избрана Мартирия) и думаша собѣ: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуриа, а и сии (в Академическом списке — друзии) хотяху пакы Гричина; в нихъ пакы расприя бысть немала, и ркоша къ себѣ: „да сиче положимъ три жребиа на святѣи тряпезѣ въ святѣи Софѣи“. И абие положиша и повелѣша пѣти святую литургию, и по совершении службы и послаша с вѣща слѣбца, да котораго дастъ Богъ, и выняся Божию благодатью жребии Мантуриевъ; и послаша по нь, и привелоша и из Русѣ, и посадиша его въ епископлѣ дворѣ, и послаша о немъ къ митрополиту» (с. 231—232). Нетрудно заметить, что рассказ этот начинается грамматически неправильной фразой: синтаксически неуместен союз *и*, соединяющий именную группу и глагол («новгородци же с княземъ ... и думаша себѣ»). В определенном противоречии находятся также официальное перечисление всех субъектов избрания новгородского владыки и следующее далее неформальное описание возникшей на этой почве «распри». То же сообщение в Синодальном списке, напротив, абсолютно безупречно в языковом отношении и к

⁶⁶ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 года. С. 129; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 173—174.

тому же явно построено по образцу предыдущего аналогичного известия, что для летописи особенно характерно.⁶⁷

Вставное происхождение рассказа об измене Савки также устанавливается лингвистически. В Синодальном списке в рассказе об измене новгородцев югрой полностью соблюдается основополагающий для летописного жанра синтаксический принцип союзного «нанизывания» предложений: «И придоша въ Югру, и взяша городъ, и придоша к другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояша подъ городомъ 5 недѣль; и выслашу къ нимъ Югра, льстьбою рекуше тако, яко „копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смърдь и своеи дани“, а льстяше ими, а вое копяче. И яко скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ: „пойди въ городъ, пойма съ собою 12 муж вьчшихъ“, и иде въ городъ воевода, пойма съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ вьчшихъ, и (и)секоша я на канунъ святыя Варвары; и выслаша пакы, и пояша ихъ 30 муж вьчшихъ, и тѣхъ исѣкоша и потомъ 50. И яко изнемогоша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль, слушаюче льстьбѣ ихъ, и на праздникъ святого Николы выльзѣше из города, исѣкоша вся; и бѣ туга и бѣда останку живыхъ; бѣ бо осталось ихъ 80 мужъ» (с. 40—41). В младшем изводе этот построенный с возрастанием драматического напряжения рассказ неожиданно перебивается (после слов «и потомъ 50») введением без союза (единственный случай во всем рассказе!) новой темы: «Потомъ рече Савка князю югорскому: „аще, княже, не убиешъ еще Яковца Прокшница, а живого пустиши в Новгородъ, то тому ти, княже, опять привести вое съмо, и землю твою пусту створит“. И призвавши князь Яковца Прокшница, и повелѣ его убити. И рече Яковецъ Савици: „Брате, судит ти Богъ и святая Софѣя, аще еси подумалъ на кровь братьи своеи; и станеша с нами пред Богомъ и отвѣщаеши за кровь нашу“. И то ему рекуше, убиенъ бысть. Тѣ бо Савица перевѣтъ держаше отаи съ княземъ югорскимъ» (с. 233). Характерна также безапелляционность, с которой сказано о предательстве Саввы, притом что в следующей статье 6702 г. содержится лишь очень осторожное упоминание об измене, ставшей причиной гибели новгородского войска.⁶⁸

Заключаем, таким образом, что статья 6701 г. в ее первоначальном виде не содержала подробного описания избрания Мартирия и рассказа об измене Саввы; оба фрагмента были позднее вставлены во владычную летопись при ее редактировании. Характер вставок не оставляет сомнения в том, что они могли быть сделаны только современником и причём вскоре после описываемых событий. Когда же именно?

Ответ на этот вопрос помогают найти другие следы работы того же редактора, выявляемые несколькими годами позже, в статье 6704 г., причём на этот раз как в младшем, так и в старшем изводах. В этой статье имеется отмеченная еще А. А. Шахматовым характерная дубли-

⁶⁷ Ср.: под 6694 г.: «Новгородци же съ княземъ Мьстиславомъ и съ игумены и съ попы съдумавъше, изволиша себе поставити брата его Ильинъ Гаврила» (с. 38).

⁶⁸ «И тогда придоша избытъкъ живыхъ изъ Югры. И убиша Сбышку Волосовица и Негочевица Завида и Моислава Поповица сами путъники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвѣтъ държаше на свою братью, а то Богови судити» (с. 41).

ровка: известие о епископском освящении церкви св. Кирилла в Нелезене, завершающее подробную запись о строительстве церкви в начале статьи, еще раз повторено в конце статьи. Следует полагать, что в исходном тексте имелась лишь эта вторая запись, однако редактор, переписывая текст, пожелал объединить в одном сообщении все, что касалось церкви св. Кирилла, забыв при этом исключить первоначальное известие о ее освящении. Наибольший интерес представляет для нас известие об освящении архиепископом Мартирием оконченного строительства в том же году церкви Воскресения, к которому имеется следующее добавление панегирического характера: «а владыка тружаяся и горя въ день зноємъ, а въ ночь печялуясь, абы коньцяти и видети церковь съвѣршену и украшену; и егоже желавъ, приа царство небесное и радость неисконьцаему въ вѣкы, аминь» (с. 42). Окончание фразы не оставляет сомнения в том, что оно могло появиться лишь после смерти владыки. Архиепископ Мартирий умер три года спустя — 24 августа 1199 г. на озере Селигер во время поездки в Суздаль за новым новгородским князем. При погребении ему были отданы особые почести: гробница Мартирия в южной паперти Софийского собора в течение длительного времени оставалась самым значительным элементом ее интерьера, в связи с чем за самой папертью закрепилось название Мартирьевской.⁶⁹

Поскольку с именем Мартирия связана и первая вставка в статье 6701 г., подчеркивающая харизматический характер его избрания («и выняся Божию благодатью жребии Мантуриевъ»), можно предположить, что проведенная редакция преследовала цель прославления умершего новгородского владыки. Скорее всего, она была произведена непосредственно после кончины Мартирия, в том же 1199 г.: при его преемнике Митрофане вставка в статью 6701 г., называющая самого Митрофана в качестве одного из неудачливых претендентов на архиепископство, едва ли могла быть сделана.

Основанием для посмертного прославления могла стать в первую очередь небывалая по своему размаху строительная активность Мартирия. За семь лет, с 6700 (1192) по 6706 (1198) г., летопись упоминает пять его строительных предприятий, в том числе — возведение трех каменных церквей.⁷⁰ В связи с этим особое значение приобретает сообщение статьи 6706 г. об освящении последней из построек Мартирия — монастырской церкви Преображения в Русе. В уста новгородского владыки здесь вложена молитва, произнесенная князем Владимиром при освящении Десятинной церкви в Киеве в 996 г. Это первый из случаев прямого цитирования Начальной летописи новгородскими летописца-

⁶⁹ См.: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 56.

⁷⁰ 6700 г. — основание Спасо-Преображенского монастыря в Русе и строительство в нем деревянной церкви; 6703—6704 гг. — строительство двух каменных церквей: надвратной Ризоположенской церкви в Детинце и Воскресения в Воскресенском монастыре; 6704 г. — роспись фресками Ризоположенской церкви; 6705 г. — строительство церкви св. Никифора; 6706 г. — возведение каменной церкви Преображения в Русе. Для сравнения: архиепископом Нифонтом за двадцать пять лет его пребывания на кафедре (1130—1156) были построены две каменные церкви — в Ладоге и в Пскове, что вместе с его постоянным попечением о св. Софии вызвало восторженный отзыв летописца (с. 29).

ми.⁷¹ Нигде более во всем тексте НПЛ аналогичные сообщения не образуются с подобной торжественностью. Стилистически молитва Мартирия точно так же выделяется на фоне окружающего ее повествования владычной летописи, как и предсмертные слова Яковца Прокшинича в статье 6701 г. Весьма вероятно поэтому, что и данный текст является редакторской вставкой 1199 г.

Итак, можно предположить, что редактирование известий владычной летописи за последние годы XII в. было произведено в 1199 г. в связи с кончиной архиепископа Мартирия и для увековечения его памяти. Но как объяснить в таком случае вставку в статью 6701 г. рассказа об измене Савки, выдавшего югорскому князю воеводу Якова (Яковца) Прокшинича? К архиепископу Мартирию эта вставка, действительно, не имеет никакого отношения. И все же появление ее в летописи представляется далеко не случайным. Обратим внимание еще на одно событие 1199 г., известие о котором помещено в летописи непосредственно после сообщения о кончине Мартирия и избрании архиепископом Митрофана: «заложиша церковь камену святыхъ мученикъ 40, с Прокшею с Малышевичемъ» (с. 238) (так в младшем изводе; в Синодальном списке имя основателя церкви опущено). Кажется весьма вероятным, что Прокша Малышевич (о смерти которого летопись сообщает под 6715 (1107) г.) — не кто иной, как отец убитого в 1193 г. Яковца Прокшинича, и что церковь Сорока мучеников на Щеркове улице, входившая впоследствии в число семи соборных церквей Новгорода, была основана им (вернее — при его активном участии, как можно понять выражение летописи «заложиша... с Прокшею с Малышевичемъ») в память о трагическом для Новгорода югорском походе, в ходе которого погиб и его сын.⁷² Успевшее сложиться за шесть лет городское предание считало кульминацией этого похода измену Савки и убийство Яковца Прокшинича, в связи с чем при редактировании летописи в 1199 г., совпавшем по времени с возведением церкви Сорока мучеников, в текст статьи 6701 г. и была сделана соответствующая вставка.⁷³

Обратим теперь внимание на характер отражения рассмотренной редактуры в двух изводах НПЛ. В статье 6701 г. Синодальный список передает еще не отредактированный текст владычного свода, что и естественно, поскольку, как мы знаем, в этой части он восходит к особому списку с него, пополнявшемуся по мере продолжения самой вла-

⁷¹ См.: Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи... С. 81.

⁷² В таком случае становится вполне понятным и особое внимание, уделяемое в дальнейшем владычной летописью деятельности Вячеслава Прокшинича (согласно сделанному предположению — брата убитого Яковца), в 1211 г. окончившего строительство церкви, а в 1227 г. расписавшего ее фресками.

⁷³ В связи с высказанным предположением об основании церкви Сорока мучеников в память о походе 1193 г. уместно вспомнить некоторые особенности соответствующего церковного предания, а именно, что сорок севастийских мучеников были воеводами-христианами, что мучение, которому они были подвергнуты, заключалось в ночном стоянии в замерзающем озере (вспомним, что избиение новгородского отряда состоялось в разгар зимы) и, наконец, что среди сорока оказался один изменник (место которого занял присоединившийся к мученикам сторож). Последняя тема ярко представлена и в новгородской иконографии сюжета (например, на иконе из комплекса «Софийских таблеток» XV в.; см.: Смирнова Э. С., Лаурин В. К., Гордиенко Э. А. Живопись великого Новгорода: XV век. М., 1982. Кат. № 63, 106. С. 513).

дычной летописи. Между тем, начиная с 6704 г., т. е. как раз с момента прекращения дополнительных известий Синодального списка, редакторские вставки обнаруживаются уже в обоих изводах. В сопоставлении этих фактов находим ясное указание на то, что список Германа Вояты был доведен его продолжателем лишь до 6703 г. Начиная с 6704 г. писец первой части Синодальной рукописи должен был обратиться непосредственно к владычному своду, чем и объясняется, с одной стороны, отсутствие дополнительных известий в этой части Синодального списка, а с другой — отражение обоими изводами НПЛ уже отредактированного в 1199 г. текста владычной летописи.

Рассмотрим теперь вопрос, для кого предназначался изготовленный Германом Воятой список с владычной летописи, послуживший вместе с его продолжением до 6703 г. протографом соответствующей части Синодального списка. Заметим сразу, что видеть в этом списке свод церкви св. Иакова совсем не обязательно: будучи, как и Тимофей пономарь, владычным летописцем, Воята вполне мог изготовить копию с владычной летописи, выполняя чей-то заказ. В таком случае в качестве заказчика естественно предполагать в первую очередь Юрьев монастырь. Эта до сих пор не рассматривавшаяся возможность наполняет новым содержанием традиционную оппозицию софийско-яковлевской и софийско-юрьевской гипотез. Вопрос теперь заключается не в том, был ли создан протограф Синодального списка в Юрьеве монастыре или при церкви св. Иакова, а в том, предназначался ли он его создателем — Германом Воятой для нужд собственной церкви или же для Юрьева монастыря.

Исходя из общих соображений, естественно предпочесть вторую возможность. На роль второго после владычного двора места ведения городской летописи, бесспорно, лучше подходит главный из новгородских монастырей, чем приходская церковь на Добрыне улице. Монастырское летописание — явление, хорошо известное в русской летописной традиции,⁷⁴ тогда как существование в рассматриваемую эпоху летописных сводов отдельных церквей никакими другими примерами не подтверждается.⁷⁵ Впрочем, полагаться только на наличие или отсутствие прецедентов в данном случае явно не следует: исполнение яковлевским пономарем роли владычного нотариуса и летописца — явление также беспрецедентное. Намного важнее для нас поэтому содержание самих дополнительных известий первой части Синодального списка.

⁷⁴ Не говоря уже о древнейших русских летописных сводах, создававшихся в киевских монастырях, здесь можно назвать хотя бы известный по ссылкам в Новгородской II летописи летописец Лисицкого монастыря (см.: Бобров А. Г. Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 10—16), а также несохранившийся, но частично опубликованный летописец Михаилицкого (Молотковско-го) монастыря (см. о нем: Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 123—125).

⁷⁵ Летописцы новгородских церквей Дмитрия Солунского, Двенадцати апостолов, Николо-Дворищенского собора, опубликованные С. Н. Азбелевым (см.: Азбелев С. Н. Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 364—370), все имеют явно позднее происхождение и, не превышая объемом одного-двух листов текста, не являются полноценными летописными памятниками.

Исследователи, видевшие в списке Вояты летописный свод церкви св. Иакова и считавшие, что Воята работал для себя, подчеркивали территориальную специализацию этих известий, их связь с Людиным концом Новгорода.⁷⁶ Степень и значение этой территориальной специализации не следует, однако, преувеличивать. Казалось бы, наиболее отчетливо она проявляется в первой группе избыточных сообщений — записях о сменах игуменов и игумений новгородских монастырей. Действительно, три из четырех упоминаемых таким образом монастырей — Аркаж (6702), Варварин (6675, 6703), Воскресенский (6700) — находились на территории Людина конца или неподалеку от него (четвертый — Ивановский (6687) — был расположен на Росткине улице в Неревском конце). Однако само по себе это соотношение малопоказательно. Оно должно рассматриваться с учетом, во-первых, топографии новгородских монастырей, а во-вторых, содержания аналогичных сообщений владычной летописи (к которой мы относим, напомним, известия, общие для двух изводов НПЛ). Последняя за годы с 6675 по 6703, на которые приходится основной комплекс дополнительных известий Синодального списка, отметила перемены на игуменстве в Юрьеве (6666) и Зверине (6700) монастырях, находившихся в противоположных концах города. Но если в окрестностях Людина конца и в нем самом к 1195 г. располагались по крайней мере семь монастырей (помимо Юрьева — Варварин, Воскресенский, Благовещенский, Аркаж, Петропавловский на Сильнице, Пантелеймонов), то в Неревском конце и на территории, прилегающей к нему, — только четыре (Зверин, Духов, Лазарев, Ивановский).⁷⁷ На этом фоне кажется вполне закономерным, что Герман Воята и его продолжатель, пополняя данную группу сообщений владычной летописи, писали преимущественно о монастырях Людина конца и его окрестностей.⁷⁸

Еще меньше оснований говорить о территориальной специализации следующей группы дополнительных известий — записей о строительстве церквей. На территории Людина конца из пяти упомянутых церквей находились три — св. Власия (6692), Воздвижения и Василия Парий-

⁷⁶ См.: Подвигина Н. Н. К вопросу о месте составления... С. 74—75; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка... С. 172. Проявление тенденции известия яковлевских клириков, проводивших в своем списке с владычной летописи местные кончанские интересы, В. Л. Янин видит и в сокращении статьи 6701 г. Однако, как мы только что видели, соотношение двух изводов НПЛ в данном случае является противоположным: имеют место не пропуски в Синодальном списке, но редакторские вставки в младшем изводе.

⁷⁷ Из названных монастырей Пантелеймонов и Лазарев в летописи не упоминаются, но существование их в рассматриваемую эпоху доказывается другими источниками (см.: Янин В. Л.: 1) Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 60—79; 2) Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. // Археологический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 57—61). В окрестностях Торговой стороны к 1195 г. документально засвидетельствовано существование только двух монастырей — Антониева и Хутынского; причем последний возник лишь в самом конце рассматриваемого периода (1192).

⁷⁸ Следует учесть также, что игумены Антониева и Духова монастырей были поставлены в 1162 г. и к 1195 г. вполне могли быть живы. Не исключено поэтому, что рассматриваемые записи вообще достаточно полно отражают перемены на игуменстве, происшедшие в новгородских монастырях с 1167 по 1195 г.

ского (6703); две же другие — св. Петра и Павла (6701) и св. Дмитрия (6703) — далеко за его пределами. При этом сообщение о строительстве церкви Воздвижения и св. Василия под 6703 г. явно обусловлено не узким интересом к церковному строительству именно в пределах Людина конца, а тем, что за год до этого обе церкви погорели, о чем сообщала владычная летопись (6702). Точно так же дополнительное известие 6701 г. о возведении церкви Петра и Павла («святою апостолу») в Холме вторит сообщению владычной летописи 6700 г. об уничтожившем церковь пожаре.

Наконец, последняя группа избыточных сообщений — записи о рождении детей Ярослава — вообще лишена какой-либо территориальной приуроченности.⁷⁹ Таким образом, в целом содержание дополнительных известий рассматриваемой части Синодального списка не обнаруживает, вопреки распространенному мнению, особого внимания их авторов к Людину концу Новгорода.

Между тем — и здесь нельзя не согласиться с И. М. Троцким и В. Водовым — эти известия идеально подходят для летописи Юрьева монастыря.⁸⁰ Последний в конце XII в. еще остается княжеским, выступает как фамильный монастырь Ярослава, что прекрасно объясняет записи о рождении детей князя. С другой стороны, именно в это время Юрьев монастырь все более выдвигается на роль главного центра организации новгородского черного духовенства и в конце концов приобретает статус архимандритии.⁸¹ Этой его роли отвечает первая группа дополнительных известий Синодального списка. При этом отсутствие среди рассматриваемых сообщений записей, относящихся к самому

⁷⁹ Правда, В. Л. Янин, предполагает существование особых отношений между Ярославом и боярством Людина конца, исходя из собственной, в высшей степени убедительной интерпретации берестяной грамоты № 601, в которой, как считает исследователь, речь идет о похоронах сыновей Ярослава, умерших в 1198 г. (См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986. С. 63—65). Однако, как явствует из текста грамоты, дело здесь не в особой привязанности Ярослава к Людину концу, а в том, что организатором похорон выступал посадник (Мирошка Нездичин), которому, по гипотезе Янина, принадлежала раскапываемая усадьба.

⁸⁰ Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 353; Vodoff W. Quelques remarques... P. 748—749.

⁸¹ Приобретение юрьевским игуменом звания «архимандрит новгородский» В. Л. Янин относит ко времени игуменства Савватия (1194—1226), считая употребление этого титула — только в младшем изводе НПЛ — применительно к его предшественнику Дионисию (в сообщении о его смерти в 1194 г.) вставкой сводчика XV в. (см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 142). Если это так, то почему вставка эта сделана лишь в статью 1194 г. и не обнаруживается, к примеру, при сообщении о поставлении того же Дионисия в 1158 г.? Разгадка, подтверждающая предположение В. Л. Янина, заключается в том, что рассматриваемая вставка появилась не при составлении младшего извода в XV в., а при редактировании владычной летописи в 1199 г. Оно, как мы предположили, захватило лишь период архиепископства Мартирия (1193—1199), за который юрьевский игумен упоминался в летописи лишь один раз. Синодальный же список в статье 6702(1194) г. еще отражает текст владычной летописи до ее редактирования, и потому вставка в нем отсутствует. В таком случае мы имеем возможность еще точнее датировать появление рассматриваемого титула, отнеся его к первым годам игуменства Савватия, между 1194 и 1199 гг.

Юрьеву монастырю, не должно удивлять: происходившие там события регулярно освещались владычной летописью, сообщившей под 6674 г. о поездке в Киев игумена Дионисия, под 6681 г. — об освящении надвратной церкви Спаса, под 6702 г. — о смерти Дионисия и поставлении его преемника Савватия.

Наконец, важнейшим аргументом в пользу юрьевского происхождения избыточных сообщений рассматриваемой части Синодального списка являются бесспорно юрьевские записи на последних листах рукописи. Считая, что протограф Синодального списка в части до 6704 г. был сводом церкви св. Иакова, мы должны были бы предположить, что в один прекрасный момент свод этот перешел в Юрьев монастырь, для чего не было видимых оснований: деревянная яковлевская церковь благополучно просуществовала до 1423 г., когда, по сообщению НПЛ, была отстроена в камне (с. 414). Допустив же, что Герман Воята выполнял юрьевский заказ, мы избегаем подобных трудностей и можем вслед за И. М. Троцким рассматривать Синодальный список в целом как летописный памятник, связанный с Юрьевым монастырем.

Степень самостоятельности юрьевской летописи представляется нам, однако, значительно меньшей, чем полагают И. М. Троцкий и В. Водов, склонные считать записанными в Юрьеве монастыре чуть ли не все относящиеся к нему известия и целый ряд других сообщений.⁸² Думать иначе заставляет сформулированное выше правило, согласно которому весь текст, общий для двух изводов (за исключением приписок 6845 и 6853 гг.), восходит к владычной летописи. Согласно этому принципу собственно юрьевскими могут считаться лишь известия Синодального списка, отсутствующие в младшем изводе.

Надо сказать, что сам И. М. Троцкий сознавал необходимость дифференцированного подхода к двум категориям известий, объясняя присутствие юрьевских по происхождению записей в младшем изводе НПЛ тем, что владычная летопись в XII—XIV вв. неоднократно сверялась с юрьевской и пополнялась извлеченным из нее материалом.⁸³ Следы этой сверки автор усматривает в многочисленных дублировках и противоречиях основного текста НПЛ. Приводимые примеры таких дублировок и противоречий не кажутся достаточно убедительными. Рассмотрим эти примеры.

Под 6668 г. летопись сообщает: «Прияша новгородьци Ростиславиця Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгыню въпустиша въ манастирь святыя Варвары, а дружину его в погрѣбѣ въсажаша; и вѣвѣдоша Мъстислава Ростиславиця, вѣнука Гюргева, мѣсяця июня въ 21. Тои же зимѣ вѣдаша посадничество Нѣжатѣ, и вѣдоша Святослава въ Ладогу, и оттолѣ бѣжа въ Смолньскѣ» (с. 30—31, 218). По мнению И. М. Троцкого, в статье дважды говорится об одном событии — ссылке Святослава в Ладогу, что является результатом неумелого сведения двух источников, в одном из которых «это известие было записано в связи с приглашением нового князя, а в другом — в связи с выборами нового посадника и бегством Святослава».⁸⁴ Оставляя в стороне вопрос,

⁸² Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 357; Vodoff W. Quelques remarques... P. 748—749.

⁸³ Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 360.

⁸⁴ Там же. С. 354.

почему записи о двух важнейших политических событиях — смене князя и посадника — должны считаться заимствованными из разных источников, заметим лишь, что в статье скорее всего говорится о разных событиях. В начале лета 1160 г. новгородцы, задержав князя Святослава, приказали ему отправиться в Ладогу (в списках младшего извода «поправиша» заменено на «послаша»), из чего вовсе не следует, что князь отправился туда. Позже, уже зимой, Святослав был насильно доставлен в Ладогу, откуда и бежал. Дублировка, таким образом, отсутствует.

В статье 6673 г. содержатся два известия, касающиеся архиепископа Ильи-Иоанна. Статья начинается сообщением: «Поставленъ бысть Илия архиепископъ новгородскый от митрополита Иоанна, при князи русьстѣмъ Ростиславѣ, мѣсяца марта въ 28, на вѣрьбницу, и приде Новугороду мѣсяца мая въ 11». Несколько ниже сказано: «Въ то же лѣто ходи игуменъ Дионисии съ любовью въ Русь, и повелено бысть владычѣ архиепископство митрополитомъ» (с. 31—32, 219). Как считает И. М. Троицкий, в статье дважды, причем по-разному, сообщается о получении Ильей сана архиепископа.⁸⁵ Однако это не так. В первом случае речь идет о епископской хиротонии Ильи, который к моменту составления записи уже получил сан архиепископа и потому не мог быть упомянут в летописи без этого титула. Второе сообщение излагает обстоятельства получения новгородским владыкой архиепископского сана.⁸⁶

Дублирующими друг друга И. М. Троицкий считает и сообщения статей 6678 и 6687 гг. о строительстве церкви в Благовещенском монастыре.⁸⁷ Но в первой статье говорится об основании монастыря и сооружении церкви, которая скорее всего была деревянной. Через девять лет летопись сообщает о строительстве в монастыре каменной церкви. Нет основания усматривать дублировку и в известиях 6787 и 6788 гг. об основании Копорья.⁸⁸ И здесь первая статья сообщает о строительстве князем Дмитрием деревянной крепости («и ихавъ самъ сруби»), тогда как вторая — о строительстве каменной («обложиша городъ камень Копорью»).

Конечно, не все приводимые примеры дублировок оказываются мнимыми. Но те немногие, которые бесспорно присутствуют в основном тексте НПЛ, вполне могут объясняться особенностями ведения и редактирования самой владычной летописи, а не привлечением ее авторами еще и дополнительных летописных источников. В этом мы уже имели возможность убедиться на примере повторения известия об освящении церкви св. Кирилла в статье 6704 г., находящего себе объяснение в работе редактора 1199 г.

Рассмотрим теперь примеры противоречий и непоследовательности летописного рассказа, в которых также усматривалось проявление ком-

⁸⁵ Там же. С. 355.

⁸⁶ Трудно согласиться и с В. Водовым, считающим свидетельством юрьевского происхождения второй записи упоминание игумена Дионисия лишь по имени, без указания монастыря (*Vodoff W. Quelques remarques...* P. 748). Уже сам характер миссии Дионисия не оставляет сомнений в том, что он был столь значительной фигурой в Новгороде, что упоминания его имени было достаточно без уточнения того, о игумене какого именно монастыря идет речь.

⁸⁷ Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 354.

⁸⁸ Там же. С. 357.

пилятивности владычной хроники. Такая непоследовательность характеризует, по мнению И. М. Троицкого, статьи 6736 и 6738 гг.⁸⁹ В обеих статьях, принадлежащих к числу наиболее значительных по объему во всей Новгородской летописи, летописец, действительно, несколько раз переходит от описания социальных волнений к рассказу о стихийных бедствиях и обратно. Тем не менее объяснять эти переходы компилятивным характером летописного рассказа едва ли следует: кажется несколько странной предполагаемая таким образом специализация одного источника на сообщениях «о политике», а другого — на известиях «о погоде». Напротив, очевидно, что для летописца, составившего указанные статьи (а им был, по всей вероятности, не кто иной, как Тимофей пономарь), охватившие в те годы Новгород социальные потрясения и природные катаклизмы подлежали единому провиденциальному объяснению, и именно чередование двух планов описания позволило ему создать исключительно выразительную и полную напряжения картину.

Сведением двух летописных традиций В. Водов объясняет наличие в статьях 6692 и 6704 гг. противоречивых оценок князя Ярослава Владимировича.⁹⁰ В первой статье о Ярославе сказано: «негодавахуть бо ему новгородци, зане много творяху пакостии волости новгородскей» (с. 37). Во втором случае в связи с уходом князя из Новгорода летописец замечает: «и жаляху по немъ въ Новегородѣ добрии, а злии радовахуся» (с. 43). Оценки, действительно, различные, однако отделенные друг от друга более чем десятью годами; за этот период не только отношения между Новгородом и Ярославом претерпели сложную эволюцию, но и на владычной кафедре произошла перемена (в 1186 г. умер архиепископ Илья и был поставлен Гавриил), возможно повлекшая за собой и смену летописца. Ожидать от владычной летописи однозначности оценок в этой ситуации явно не следует.

Наконец, заметим, что сам факт отражения в летописи событий, происходивших в Юрьеве монастыре, естественно, не может свидетельствовать о местном происхождении соответствующих записей, сколь бы подробными они ни были. Особенно показательным в этом отношении известие 1230 г. о смещении и кончине юрьевского игумена Саввы, записанное Тимофеем пономарем, который, как можно теперь с уверенностью утверждать, был владычным летописцем, а не летописцем Юрьева монастыря, что предполагали И. С. Тихомиров и И. М. Троицкий.⁹¹

Думается, что предполагать для XII—XIII вв. существование особой Юрьевской летописи, отличной от той дополненной местными записями копии владычного свода, которая дошла до нас в составе Синодального списка, нет достаточных оснований.⁹² Что же касается истории

⁸⁹ Там же. С. 356.

⁹⁰ *Vodoff W. Quelques remarques...* P. 748.

⁹¹ См.: Тихомиров И. С. О Тимофее пономаре... С. 37; Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 361.

⁹² Доказательство существования такой летописи И. М. Троицкий видел в известии Новгородской III летописи под 6627(1119) г. о строительстве собора Юрьева монастыря, называющем в отличие от аналогичного сообщения НПЛ имя создателя собора («а мастеръ трудился Петръ»). Это известие, по мнению И. М. Троицкого (там же, с. 357), восходит к сообщению монастырской летописи, которое в НПЛ передано в сокращенном виде. Однако, как показал

сложения текста самого Синодального списка как летописного памятника, связанного с Юрьевым монастырем, то она на основании всего сказанного выше может быть реконструирована в следующем виде:

1) изготовление Германом Воятой по заказу Юрьева монастыря списка с владычной летописи и доведение им его до 6695(1187) г.;

2) продолжение списка Вояты и дополнение его местными записями до 6703(1195) г.;

3) воспроизведение этого списка и продолжение его по владычной летописи, по-видимому, в конце XIII в. (первая часть Синодального списка);

4) утрата окончания первой части Синодального списка и восполнение его с продолжением по владычной летописи в 1330 г. (вторая часть Синодального списка);

5) частичное дополнение юрьевского списка извлечениями из владычного свода (6840, 6841) и местными записями (6839, 6841, 6845, 6853, 6860) (текст на дополнительных листах).

Новгородские летописные своды XII века и Начальная летопись

Вопрос о соотношении двух изводов НПЛ в части до 6583 г., к которому нам теперь предстоит обратиться, неотделим, как уже говорилось, от проблемы использования Новгородской летописью памятников начального русского летописания. Благодаря исследованиям А. А. Шахматова ныне очевидно, что использование это не было актом однократным: Начальная летопись была привлечена в Новгороде по крайней мере дважды, причем в разных ее вариантах. Учитывая хорошо известные сложности, связанные с разграничением этих вариантов, мы будем поначалу говорить именно о Начальной летописи, обозначая таким образом всю совокупность памятников киевского летописания конца XI—начала XII в., включая различные редакции Повести временных лет и предшествовавшие ей летописные своды.

Говоря об отражении Начальной летописи в тексте НПЛ, следует разграничивать четыре хронологические зоны: I — с начала летописи по 6524 г., II — с 6525 г. по 6552 г., III — с 6553 г. по 6582 г. и IV — с 6583 г. по 6623 г. На первом, наиболее значительном по протяженности участке, младший извод передает текст Начальной летописи в варианте, отличном от того, который читается в списках Повести временных лет. В Синодальном списке вследствие его дефектности соответствующий участку I младшего извода текст отсутствует (сохранилось лишь окончание статьи 6524 г.), однако объем утраченного начала рукописи (16 тетрадей) не оставляет сомнений в том, что оно содержало относительно полный текст Начальной летописи в одном из ее вариантов.

После статьи 6524 г., содержащей рассказ о Любечской битве, последовательное воспроизведение текста Начальной летописи в обоих из-

С. Н. Азбелев, данное сообщение Новгородской III летописи имеет не летописный, а эпиграфический источник. Им была ныне утраченная, но опубликованная в свое время Н. М. Карамзиным надпись в Юрьеве монастыре (см.: *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII в. С. 109—110).

водах прекращается. Старший извод более к нему не возвращается, ограничиваясь вплоть до 6623 г. краткими извлечениями из Начальной летописи в сочетании со столь же краткими известиями местного, новгородского происхождения.⁹³ Границы остальных отрезков выделяются поэтому исходя из структуры текста младшего извода, который на участках II и IV использует Начальную летопись, как и старший извод, в кратких извлечениях, а на участке III — полностью, передавая ее текст в сочетании с известиями, восходящими к новгородскому источнику. Граница участков III и IV проводится вполне однозначно и совпадает с уже упоминавшимся обрывом в младшем изводе рассказа статьи 6582 г. об успешии Феодосия Печерского; начиная с этого момента тексты обоих изводов весьма близки.

Сложнее обстоит дело с разграничением участков II и III. По мнению А. А. Шахматова, разделяемому большинством его последователей, младший извод НПЛ возвращается к полноценному воспроизведению текста Начальной летописи (по Шахматову — Начального свода 1095 г.), начиная с 6560 или 6561 г.⁹⁴ Посмотрим, так ли это. Поскольку для дальнейшего анализа данный вопрос имеет принципиальное значение, приведем полностью текст младшего извода по Комиссионному списку с 6525 г. по начало статьи 6562 г., отразив при помощи специальной разметки⁹⁵ его соотношение с текстом ПВЛ, с одной стороны, и с текстом старшего извода НПЛ — с другой.

⁹³ По мнению Д. С. Лихачева, известия, восходящие к третьей редакции Повести временных лет, продолжают в НПЛ до 6625 г. (*Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 169—170.) Однако известия 6624 и 6625 гг., находящие себе соответствие в ПВЛ, связаны с Новгородом и видны в них извлечения из ПВЛ нет оснований. Последние же новгородские известия, бесспорно извлеченные из Начальной летописи, читаются под 6523 г. (записи о перенесении мощей Бориса и Глеба и кончине Олега Святославича), что и дало основание А. А. Шахматову считать 6523(1115) г. верхним пределом использования Повести временных лет в новгородском летописании (см.: *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 204—205).

⁹⁴ Сам А. А. Шахматов был не до конца последователен в определении этого рубежа. Говоря в большинстве случаев об отражении Начального свода в статьях 6560—6582 гг. младшего извода НПЛ (см.: *Шахматов А. А.*: 1) Разыскания... С. 5; 2) Киевский Начальный свод 1095 г. С. 126—127, 130 и др.), он иногда относил 6560 г. ко второму участку (6525—6560) (*Шахматов А. А.* Разыскания... С. 11). В работах последователей Шахматова наибольшее распространение получил этот второй вариант членения текста младшего извода. Об отражении Начального свода в статьях 6561—6582 гг. пишут М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов и другие авторы (см.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. С. 24; *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет: (Историко-литературный очерк). С. 54; *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 4).

⁹⁵ В угловые скобки заключены известия, возводимые к Начальной летописи, т. е. имеющие соответствия в Повести временных лет; в двойные угловые скобки — прямые текстуальные совпадения с ПВЛ по Лаврентьевскому списку. Известия, не выделенные угловыми скобками, не находят себе соответствия в ПВЛ и должны быть возводимы к новгородскому источнику. Знак равенства при номере «пустой» погодной статьи означает, что и в ПВЛ под этим годом сообщения отсутствуют (соответственно «пустая» статья без знака равенства является таковой только в НПЛ). Курсивом выделены известия младшего из-

- «В лѣто 6525. <<Ярославъ иде>> къ Берестію (в ПВЛ — в Киевѣ); и заложена бысть святыя Софѣя в Киевѣ.
- В лѣто 6526.
- В лѣто 6527.
- В лѣто 6528. <Родися у Ярослава сынъ и нареченъ бысть (в ПВЛ — и нарече имя ему) Володимиръ>.
- В лѣто 6529. <Побѣди Ярославъ Брячислава>.
- В лѣто 6530.
- В лѣто 6531.
- В лѣто 6532.
- В лѣто 6533.
- В лѣто 6534.
- В лѣто 6535.
- В лѣто 6536. <Знамение явися на небеси змиевъ видъ>. (В ПВЛ — знамение змиево явися на небеси, яко видѣти всеи земли)
- В лѣто 6537.
- В лѣто 6538.
- В лѣто 6539.
- В лѣто 6540.
- В лѣто 6541.
- В лѣто 6542. =
- В лѣто 6543. =
- В лѣто 6544.
- В лѣто 6545. <Заложил Ярославъ городъ Киевъ и церковь святыя Софѣя сверши>.
- В лѣто 6546.
- В лѣто 6547. <Освящена бысть церкы святыя Богородица Володимиромъ>].
- В лѣто 6548.
- В лѣто 6549.
- В лѣто 6550. <Володимиръ иде на Емь съ новгородци, сынъ Ярославль>].
- В лѣто 6551. <Володимиръ иде на Грькы>].
- В лѣто 6552. <Ходи Ярославъ на Литву; а на весну же Володимиръ заложил Новгородъ и сдѣла его>. <[Погрѣбена быста 2 князя, сына Святослава: Яропль, Ольгъ; и крестиша кости ею]>].
- В лѣто 6553. <<Заложил Володимиръ святую Софѣю в Новгородѣ>>. <[Съгорѣ святая Софѣя въ субботу по заутрѣни, въ час 3, мѣсяца марта въ 15. <Въ то же лѣто заложена бысть святая София Новгородъ Володимиромъ князьмъ>]>].
- В лѣто 6554. =
- В лѣто 6555. <<Ярославъ иде на мазавшаны и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру>>; тогда дастъ Казимиръ 800 людии Руси полоненыхъ Ярославу шюрину>.
- В лѣто 6556. =

вода, отсутствующие в Синодальном списке. В квадратных скобках приведены известия, читаемые лишь в Синодальном списке или переданные в нем в отличной от младшего извода редакции.

В лѣто 6557. Мѣсяца марта въ 4, въ день суботныи, сгорѣ святая Софѣя; бѣаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла святая Софѣя конецъ Пискупль улицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сотке церковь камену святого Бориса и Глѣба над Волховомъ. (В ПВЛ под этим годом сообщений нет).

В лѣто 6558. <Свершена бысть святая Софѣя в Новгородѣ, повелениемъ князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки. И <<преставися жена Ярослава княгыни>>. [Родися Святоплькъ]>.

В лѣто 6559. <<Поставил Ярославъ Лариона митрополитомъ Русина въ святѣи Софѣи, собравши епископы>>. (Далее в ПВЛ читается Сказание «чего ради прозвася Печерьскыи монастырь»).

В лѣто 6560. Мѣсяца октября въ 4 день, в недѣлю, <<преставился Володимиръ, сынъ Ярославль старѣишии в Новгородѣ; положиши и в Новгородѣ въ святѣи Софѣи, юже бѣ создалъ самъ>>.

В лѣто 6561. А <<у Всеволода родися сынъ Володимиръ от цесарицѣ Грекинѣ>>].

В лѣто 6562. <<Преставился великий князь рускыи Ярославъ. Еще бо живу сушу ему, наряди сыны своя, рекъ имъ...>> (далее текст завещания Ярослава, совпадающий с читаемым в ПВЛ) [Преставился Ярославъ и сѣде Изяславъ Киевѣ на столѣ]>.

Проведенное сопоставление заставляет сдвинуть на несколько лет проводимую А. А. Шахматовым границу участков II и III младшего извода. Как можно видеть, к последовательному воспроизведению Начальной летописи младший извод возвращается не с 6560 г., а семью годами раньше — с 6553 г. Если до этого момента совпадения с ПВЛ носят частный характер и имеют место лишь на уровне содержания, то начиная с 6553 г. текст ПВЛ присутствует в младшем изводе в полном объеме, причем передается практически слово в слово. Единственное исключение составляет пропуск под 6559 г. Сказания об основании Печерского монастыря, который, надо полагать, и побудил А. А. Шахматова провести границу после этого года. Однако пропуск этот (далеко не случайный, как мы увидим в дальнейшем) не может заслонить собой того обстоятельства, что по характеру соотношения с ПВЛ статьи младшего извода 6553—6559 гг. принципиально отличаются от статей 6525—6552 гг. и примыкают к статьям 6560—6582 гг. Это и дает нам основание проводить границу участков II и III перед 6553 г.

Рассмотренное соотношение старшего и младшего изводов НПЛ с текстом ПВЛ объяснялось исследователями по-разному. Общим для всех предложенных гипотез является идущее от А. А. Шахматова вычленение в начальной части НПЛ двух текстологических пластов и соответственно реконструкция по крайней мере двух основных этапов отражения Начальной летописи в новгородском летописании. Различия же касаются, во-первых, хронологии этих двух этапов, а во-вторых, распределения по ним четырех выделенных выше участков текста НПЛ, их объединения и противопоставления как относящихся к одному или же к разным текстологическим пластам.

Сам А. А. Шахматов, как уже говорилось, возводил основанный на Начальной летописи текст НПЛ, с одной стороны, к архиепископскому своду 1167 г., впервые соединившему новгородскую владычную летопись с Начальной, представленной третьей редакцией ПВЛ, а с другой — к «Софийскому временнику» 1423 г. (или первой редакции НПЛ

младшего извода 1433—1434 г.), использовавшему текст более раннего, чем ПВЛ, Начального свода. Соотношение этих пластов в двух изводах НПЛ выглядит в изображении А. А. Шахматова следующим образом.

Текст Синодального списка на всем протяжении использования в нем Начальной летописи восходит к своду 1167 г., сокращенно переданному в списке Германа Вояты. К тому же своду через посредство Синодального списка восходит и текст младшего извода, начиная с 6583 г. В части до 6583 г. младший извод на участках I и III передает текст Начального свода по «Софийскому временнику», а на участке II основывается на Синодальном списке (и через него — на своде 1167 г.). Перерыв в передаче текста Начального свода младшим изводом НПЛ А. А. Шахматов объясняет дефектностью его списка, использованного составителем «Софийского временника»: в этом списке, по Шахматову, отсутствовало не только окончание, но также и часть листов в середине, содержащих изложение событий 6524—6561 гг.⁹⁶

Д. С. Лихачев, разделяя в главном шахматовскую концепцию Начального свода и его схему последовательности использования в Новгороде двух вариантов Начальной летописи, разошелся, однако, с А. А. Шахматовым в датировке двух этапов этого использования. Согласно гипотезе Д. С. Лихачева, первоначальное соединение Новгородской летописи с третьей редакцией ПВЛ произошло не в «своде 1167 г.», а еще в начале XII в., в своду Всеволода Мстиславича (1119—1135). Пересмотр новгородского летописания по Начальному своду и создание «Софийского временника» Д. С. Лихачев относит к 1136 г., связывая его с политическим переворотом, положившим конец новгородскому княжению Всеволода. Поскольку, таким образом, появление в составе Новгородской летописи Начального свода оказывается отнесено ко времени до составления протографа Синодального списка, Д. С. Лихачев полагает, что в части до 6583 г. оба извода НПЛ основываются на Начальном своду, текст которого передают, по-разному его сокращая.⁹⁷

Б. М. Клосс, считая положение Д. С. Лихачева о привлечении Начального свода в Новгороде в 1136 г. текстологически недостаточно обоснованным, возражает в то же время и против шахматовской датировки его XV в., указывая на заимствования из Начального свода, обнаруживаемые в погодных статьях НПЛ 1198, 1238 и 1268 гг. Наиболее вероятным временем появления в Новгороде Начального свода Б. М. Клосс считает начало XIII в.⁹⁸

М. Х. Алешковский, поддержав идею Д. С. Лихачева о княжеском своду начала XII в., отнес его создание к последним годам княжения в Новгороде Мстислава Владимировича (1116—1117). Однако главное отличие гипотезы М. Х. Алешковского от уже рассмотренных заключается не в уточнении датировки этого свода, а в принципиально иной схеме соотношения основных участков текста НПЛ. По М. Х. Алешковскому, летопись, к которой восходит начало младшего извода, не обрывалась 6582 г., но была доведена до 6523(1115) г., и именно она, а не ПВЛ в третьей редакции, была положена в основание свода Мстислава. Эту летопись исследователь определяет как первую, авторскую

⁹⁶ Шахматов А. А.: 1) Разыскания... С. 189—196; 2) Киевский Начальный свод 1095 года. С. 124—127.

⁹⁷ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 166—184.

⁹⁸ Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая. С. 247.

редакцию ПВЛ, начатую Нестором около 1090 г. (когда было написано Предисловие, сохранившееся в списках младшего извода НПЛ) и продолженную им же самим до 1115 г. Таким образом, в отличие от А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева М. Х. Алешковский считает начало младшего извода до 6524 г. первичным для Новгородской летописи, а не заменившим в ее составе текст ПВЛ и объединяет его с теми извлечениями из Начальной летописи, которые читаются в обоих изводах НПЛ с 6583 по 6623 г.⁹⁹ Что же касается статей младшего извода за 6553—6582 г., то в них, согласно М. Х. Алешковскому, читается «редакторский», а не «авторский» текст ПВЛ; появление этого текста в составе Новгородской летописи М. Х. Алешковский относит к более позднему времени, допуская, что это произошло «едва ли не в XV в.»¹⁰⁰

Сушествуя пересматривая схему А. А. Шахматова, гипотеза М. Х. Алешковского сохраняет в то же время определенную преемственность по отношению к ней, поскольку разделяет главное положение А. А. Шахматова об отражении в начале младшего извода НПЛ свода, предшествующего ПВЛ и лежащего в ее основе. А. Г. Кузьмин в отличие от М. Х. Алешковского порывает с самой идеей Начального свода. Согласно его гипотезе, важнейшим рубежом в тексте НПЛ является 945(6453) г. В части, предшествующей этому рубежу, НПЛ передает текст не Начального свода, а новгородской обработки XIII в. материалов «особой хронографической традиции» (вопрос об их происхождении А. Г. Кузьмин фактически оставляет открытым). В части с 945 по 1115 г. (включая и текст младшего извода на участке III) НПЛ основывается, как считает А. Г. Кузьмин, на Киевском источнике, близком, но не тождественном ПВЛ.¹⁰¹

Таковы в общих чертах основные гипотезы, объясняющие происхождение текста НПЛ в части, использующей Начальную летопись. Переходя к их критическому рассмотрению, назовем для начала положения, которые или просто являются бесспорными, будучи разделяемы всеми исследователями НПЛ, или рассматриваются в данной работе как уже доказанные и потому дополнительно не аргументируются. Таких положений всего три.

Полное единодушие исследователи НПЛ проявляют лишь в одном пункте — отнесении текста обоих изводов НПЛ на участке IV (6583—6623) к ее древнейшему текстологическому пласту. Практически все исследователи (за исключением А. Г. Кузьмина, высказывающегося на этот счет достаточно неопределенно) согласны также в признании позднейшего происхождения текста младшего извода на участке III (6553—6582, согласно принятому нами делению текста). Из положений, вызывавших споры среди исследователей, в достаточной степени доказанной представляется лишь шахматовская трактовка текста млад-

⁹⁹ Алешковский М. Х.: 1) «Повість временних літ» та її редакції // Український історичний журнал. 1967. № 3. С. 37—47; 2) Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 13—40; 3) Повесть временных лет. С. 25—31.

¹⁰⁰ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 31. М. Х. Алешковский, правда, говорит о статьях 1043—1074 гг. Однако статья 6551(1043) г. в младшем изводе НПЛ вообще не содержит никаких известий, что лишает смысла такое определение нижней границы данного участка.

¹⁰¹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 88—106.

шего извода на участке I (включая Предисловие) как восходящего к своду более древнему, чем ПВЛ.

Определив таким образом круг исходных положений, обратимся к дискуссионным вопросам, требующим дальнейшего рассмотрения.

Относительно времени создания летописного свода, впервые соединившего материалы местного новгородского летописания с текстом Начальной летописи, доведенной до 1115 г., есть все основания принять точку зрения Д. С. Лихачева. Важнейшим аргументом, свидетельствующим, что соединение это произошло не в 1167 г., как считал А. А. Шахматов, а еще в княжеском своде начала XII в., остается новгородское добавление к извлеченному из Начальной летописи известию 6614(1106) г. о пострижении черниговского князя Святоши, который в обоих изводах НПЛ упомянут как «гѣсть Всѣволожь» (с. 19, 203). Не приходится сомневаться в том, что добавление это было сделано летописцем, работавшим при Всеволоде Мстиславиче: после изгнания (1136) и смерти (1137) Всеволода никто не стал бы пояснять имя черниговского князя начала XII в. указанием на его родственную связь с одним из прежних обладателей новгородского стола (который, заметим, за время, прошедшее от изгнания Всеволода до 1167 г., одиннадцать раз переходил из рук в руки). Скорее всего, это пояснение принадлежит самому составителю свода, выполнявшему заказ Всеволода.¹⁰² Не исключено, впрочем, что мы имеем дело с воспроизведением приписки, сделанной летописцем Всеволода на полях летописного свода, созданного его предшественником. В таком случае, возможно, прав М. Х. Алешковский, относящий создание свода к последним годам княжения в Новгороде Мстислава Владимировича.¹⁰³ Учитывая эту неопределенность, новгородский княжеский свод начала XII в. имело бы смысл называть сводом Мстислава-Всеволода. Однако, поскольку главным признаком, позволяющим датировать свод, остается прямое упоминание имени Всеволода, сохраним за ним название, предложенное Д. С. Лихачевым, отдавая себе отчет в его условности.

С какого-то момента княжеский летописный свод, продолженный погодными записями летописцев Всеволода, должен был перейти в руки владычных летописцев. Это важнейшее для истории новгородского летописания событие Д. С. Лихачев связывает, как уже говорилось, с политическим переворотом 1136 г., вследствие которого «в ведение владыки окончательно переходит средоточие новгородской политической жизни — детинец с патрональной святыней Новгорода — храмом Софии ... Естественно, что с переходом Софии от князя к владыке должно было перестроиться и все новгородское софийское летописание».¹⁰⁴

Предполагаемый Д. С. Лихачевым механизм превращения софийской летописи из княжеской во владычную в связи с изменением статуса св. Софии кажется вполне правдоподобным. Оправдано и отнесение этого преобразования к 30-м гг. XII в. Действительно, если в статье 6638(1130) г. еще чувствуется рука княжеского летописца,¹⁰⁵ то уже через шесть лет, в статье 6644(1136) г. в летописи обнаруживает свою

¹⁰² Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 173.

¹⁰³ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 27.

¹⁰⁴ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 177.

¹⁰⁵ См.: «Иде Всѣволодь съ новгородьци на Чюдь зимѣ, въ говение, и самы исеце, а хоромы пожьже, а жены и дѣти приведе домовъ. Въ то же лѣто ходи

редкостную календарно-астрономическую осведомленность Кирик — автор «Учения о числах» и приближенный епископа Нифонта.¹⁰⁶ Однако обязательно ли связывать изменение статуса новгородской софийской летописи именно с переворотом 1136 г.? Дело в том, что, как показали новейшие исторические исследования, «восстание 1136 г. вовсе не породило тех норм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывают с ним. ... Начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходило долгое время спустя после восстания 1136 г.»¹⁰⁷

Комплексный анализ текста НПЛ за 30-е гг. XII в. позволяет, как кажется, перенести искомый рубеж на несколько лет раньше, связав его с первым крупным конфликтом Всеволода с Новгородом, разразившимся в 1132 г. Летопись так описывает обстоятельства этого конфликта: «Ходи Всѣволодь въ Русь Переяславлю повелениемъ Яропльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко „хоцю у вась умерети“. И рече Гюрги и Андрѣи: „се Яроплькъ, братъ наю, по смерти своей хоцеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему“; и выгониста и ис Переяславля. И приде опять Новугороду; и бысть въстанъ велика въ людьхъ; и придоша пльсковизи и ладожане Новугороду, и выгониста князя Всѣволода из города; и паки съдумавъше, въспятиша и Устьяхъ; а Мирославу даша посадьницяти въ Пльскове, а Рагуилови въ городѣ» (с. 22—23). Д. С. Лихачев обратил внимание на явно недоброжелательный по отношению к Всеволоду характер комментария к сообщению о его уходе в Русь, открыто обвиняющего князя в нарушении ряда с новгородцами.¹⁰⁸ В этом комментарии Д. С. Лихачев видит проявление редактуры, которой подверглась летопись Всеволода при составлении в 1136 г. «Софийского временника». Не отвергая в принципе такой возможности, позволим себе предположить, что в действительности именно по статье 6640 г. проходит рубеж, отделяющий княжескую летопись от владычной. Внешним проявлением этого рубежа является наблюдаемое в данной статье изменение целого ряда стилистических и лингвистических характеристик летописного повествования.

Пограничный характер статьи 6640 г. проявляется уже на орфографическом уровне. Наиболее частотное в этой части летописи имя *Всеволодъ* вплоть до начала статьи 6640 г. пишется исключительно через *ѣ* (вопреки этимологии), однако во второй части статьи впервые появляется этимологически правильный вариант, который находим затем в статьях 6641, 6644, 6645 гг. Не менее показательным и изменение в характере упоминания новгородского князя. До 6640 г. Всеволод (как и его отец Мстислав) упоминается только по имени. Между тем, начиная со второй части данной статьи, мы регулярно находим сочетания типа «князь Всеволод», «князь Святослав». Налицо явное изменение точки зрения: упоминание князя только по имени естественно для княжеской летописи, тогда как добавление слова «князь» отражает

Кыеву къ отцю. Въ то же лѣто коньща церковь святого Иоанна» (с. 22). Летописец строит фразы, лишённые субъекта, поскольку субъект этот очевиден: им остается Всеволод.

¹⁰⁶ См.: Шахматов А. А. Разыскания... С. 185, 669.

¹⁰⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 72.

¹⁰⁸ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 179.

внешнюю по отношению к княжеской среде точку зрения владычного летописца.¹⁰⁹ Не менее важно и происходящее в статье 6640 г. изменение структуры повествования: в погодный рассказ Новгородской летописи здесь впервые, причем дважды, вводится прямая речь, которая часто звучит в последующих статьях (6642, 6644, 6645, 6649, 6657). Меняется и степень подробности летописного рассказа, в связи с чем увеличивается объем погодных статей, что особенно заметно начиная со статьи 6642 г.

События 1132 г. — уход Всеволода в Русь, его возвращение в Новгород после неудачной попытки вокняжения в Переяславле, восстание в городе, завершившееся изгнанием Всеволода объединенными силами новгородцев, псковичей и ладожан, и, наконец, возвращение изгнанного князя самими же новгородцами (очевидно, на определенных условиях) — составляют, как кажется, весьма подходящий исторический контекст для перехода летописи от князя к владыке. Однако сопровождался ли этот переход кардинальной переработкой всего летописного свода Всеволода и в первую очередь — его начальной части, как это предполагает Д. С. Лихачев?

Свое положение о пересмотре новгородского летописания по Начальному своду в 1136 г. Д. С. Лихачев обосновывает исторически, исходя из созвучности антикняжеского по своей тенденции предисловия к Начальному своду политической атмосфере 30-х гг. XII в. Между тем с чисто текстологической точки зрения построение Д. С. Лихачева в этой его части весьма уязвимо. Существенные расхождения между двумя изводами НПЛ в части до 6583 г. и их совпадение в последующей части летописи невозможно объяснить при допущении, что составитель протографа Синодального списка (Герман Воята) имел дело с уже реформированной владычной летописью, в которой до 6582 г. включительно следовал текст, читаемый ныне в НПЛ младшего извода. В таком случае приходится предполагать с его стороны не только существенные сокращения и исправления своего оригинала, но и частичное распространение его за счет использования дополнительных источников,¹¹⁰ и все это почему-то лишь в тех пределах, в которых во владычном своде был использован Начальный свод, о чем составитель протографа Синодального списка вряд ли мог догадываться.

Принятие точки зрения А. А. Шахматова, согласно которой пересмотр владычной летописи по Начальному своду был произведен уже после составления Синодального списка, не сопряжено с подобными

¹⁰⁹ Ср. в последующих статьях естественное для владычного летописца (Крика?) упоминание по имени, без титула, новгородского епископа: «а Нифонтъ его не вѣнция» (6644, с. 24), «а Нифонтъ тако мълвялше» (6657, с. 28).

¹¹⁰ Объяснить расхождения двух изводов в этой части НПЛ одними лишь по-разному произведенными сокращениями общего протографического текста, как это делает Д. С. Лихачев («Софийский временник»... С. 182), не представляется возможным. В Синодальном списке под 6774 и 6777 гг. читаются отсутствующие в младшем изводе сообщения о двух набегах Всеслава на Новгород. Эти известия отсутствуют и в ПВЛ и восходят, очевидно, к новгородскому источнику XI в. Допустив, что они читались в «Софийском временнике» 1136 г., мы должны были бы предположить, что составитель протографа младшего извода каким-то образом пропустил именно те известия (причем относящиеся к Новгороду!), которые в его оригинале восходили не к Начальному своду, а к новгородскому источнику XI в., что кажется совершенно невероятным.

трудностями. В этом случае все расхождения между старшим и младшим изводами в части до 6583 г. легко объясняются отражением в Синодальном списке более раннего состояния владычной летописи, еще сохранявшей в своем составе без изменений текст свода Всеволода. Считая, что в основу Синодального списка был положен список с владычной летописи, выполненный Германом Воятой между 1144 и 1188 гг., можно заключить, что по крайней мере к 1144 г. начальная часть владычной летописи еще сохраняла тот вид, который она имела в своде Всеволода.

Насколько точно отражено это первоначальное состояние свода Всеволода в Синодальном списке? Рассмотреть этот вопрос нас побуждает разделяемая практически всеми исследователями НПЛ, начиная с А. А. Шахматова, уверенность в том, что составитель протографа Синодального списка воспроизвел текст владычного летописного свода за XI в. со значительными сокращениями. Основанием для такого утверждения является отсутствие в Синодальном списке целого ряда ранних новгородских известий, которые читаются в младшем изводе НПЛ и особенно полно в Софийской I и Новгородской IV летописях.¹¹¹

Согласно гипотезе А. А. Шахматова, источником всех дошедших до нас в различных летописных памятниках новгородских известий XI в., не возводимых к Повести временных лет, был Древний Новгородский свод, составленный в 1050 г. в связи с освящением церкви св. Софии на основании Древнейшего Киевского свода 1039 г. и местных летописных записей и несистематически пополнявшийся на протяжении второй половины XI в. Этот свод, по А. А. Шахматову, стал одним из источников Начального Киевского свода 1095 г., в котором он, однако, был использован далеко не в полном объеме.¹¹²

Отражение в памятниках новгородского и общерусского летописания известий Древнего Новгородского свода, не вошедших в Начальный свод и через него — в Повесть временных лет, А. А. Шахматов связывал с включением их во владычный летописный свод 1167 г., который, будучи основан на тексте ПВЛ, одновременно «воспринял и все содержание предшествующего новгородского свода».¹¹³ Отсутствие значительной части этих известий в обоих изводах НПЛ он объяснял сокращениями, допущенными Германом Воятой в своем списке с владычного свода, к которому восходит Синодальный список, а через него — и текст младшего извода НПЛ.¹¹⁴ Между тем составитель протографа Софийской I и Новгородской IV летописей пользовался, по А. А. Шахматову, самой владычной летописью, что и является причиной более полного отражения в этих памятниках Древнего Новгородского свода. Впрочем, пользование владычной летописью ученый вынужден был предположить и со стороны составителя младшего извода НПЛ, не находя иной возможности объяснить наличие в нем некоторых известий за XI в., отсутствующих в Синодальном списке.¹¹⁵

¹¹¹ См. перечень и анализ этих известий: Шахматов А. А. Разыскания... С. 199—200, 213—231.

¹¹² Там же. С. 491—527.

¹¹³ Там же. С. 379.

¹¹⁴ Там же. С. 190—191.

¹¹⁵ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 126.

Согласиться с этим построением А. А. Шахматова, механически отнеся все сказанное им о своде 1167 г. к своду Всеволода, не позволяет сделанный выше вывод о независимости текста младшего извода НПЛ от Синодального списка. Придя к такому заключению, мы уже не можем более объяснять небрежностью Германа Вояты одинаковые сокращения известий Новгородского свода XI в. в двух изводах НПЛ. Следовательно, сокращения эти имелись уже в самом владычном своде, с которого в середине XII в. списывал Воята, а спустя триста лет — составитель младшего извода. Таким образом, ответственность за сокращения новгородских известий XI в. (как и неновгородских, извлеченных из Начальной летописи) мы должны перенести с Германа Вояты на составителя свода Всеволода, отказавшись от представления о полном включении материалов Новгородского свода XI в. в какой-либо из летописных сводов XII в.

Что же касается полноты новгородских известий XI в. Софийской I и Новгородской IV летописей, то она, как представляется, вполне может быть объяснена использованием составителем их общего протографа самого Новгородского свода XI в. Такая возможность до сих пор не принималась во внимание и, как кажется, напрасно. Ничто не мешает предположить, что древняя рукопись Новгородского свода сохранялась в Софийском соборе на протяжении столетий вместе с другими (в том числе и дошедшими до нас) софийскими рукописями XI в. и была использована составителем «Новгородско-Софийского свода» — протографа Софийской I и Новгородской IV летописей, работавшим, судя по всему, в Новгороде и черпавшим материал из весьма широкого круга источников.¹¹⁶ Более того, такое предположение хорошо согласуется с общими тенденциями XV в., когда русская книжность, обратившись к своим истокам, стремилась со всей возможной тщательностью восстановить утраченную полноту репертуара.¹¹⁷

Если составитель «Новгородско-Софийского свода» вполне в духе своей эпохи стремился как можно полнее использовать свои древние источники, то работавший в начале XII в. составитель свода Всеволода руководствовался, по-видимому, совершенно иными соображениями. В его задачи не входило сведение воедино всего доступного летописного материала. Наличие при Софийском соборе Новгородского свода XI в. делало излишним полное включение его известий во вновь создаваемый свод. Сводчику нужно было лишь «перекинуть мост» от подробно изложенных на основании Начальной летописи событий древнейшего периода русской истории к современным событиям, что он и сделал, ограничившись начиная с 6525 г. (т. е. на протяжении последних ста лет, охваченных использованным им текстом Начальной летописи) лишь краткими выборками из двух своих источников.

Ничто не мешает считать, таким образом, что Синодальный список в начальной его части довольно точно отражает тот вид новгородской владычной летописи, который она имела к моменту создания его протографа (т. е. по крайней мере к 1144 г.), сохраняя в своем составе без изменений текст лежащего в ее основе княжеского свода Всеволода. К какому же времени следует отнести преобразование структуры владыч-

¹¹⁶ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 119.

¹¹⁷ См.: Седельников А. Д. Несколько проблем по изучению древней русской литературы: Методологические наблюдения // *Slavia*. 1929. Рос. VIII. Seš. 3.

ного свода, в результате которого место кратких статей свода Всеволода за 6553—6582 гг. занял в нем текст, читаемый ныне в младшем изводе НПЛ? Произошло ли это в XV в., как полагал А. А. Шахматов, или все-таки раньше?

Ответ на этот вопрос естественно искать в первую очередь в самом тексте статей 6553—6582 гг. Никаких признаков, которые бы указывали на XV в. как время составления этого текста, в нем не усматривается. Между тем, как отмечают Б. М. Клосс и Я. С. Лурье,¹¹⁸ уже в 1238 г. новгородский летописец цитировал статью 6576 г. Начальной летописи по тексту, совпадающему с младшим изводом НПЛ и при этом, хотя и незначительно, но отличающемся от читаемого в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Таким образом, 1238 г. может рассматриваться как *terminus ante quem* появления в составе НПЛ рассматриваемой группы статей. *Terminus post quem* определяется наиболее ранней из возможных дат составления протографа Синодального списка — 1144 г.

В этот хронологический интервал попадают сразу несколько дат, называвшихся в качестве возможных вех редактирования Новгородской летописи: 1167 г. (создание архиепископского свода, по А. А. Шахматову), 1199 г. (предполагаемая нами обработка владычной летописи за период архиепископства Мартирия), 1204—1205 гг. (составление «Софийского временника», по В. Л. Янину), конец 1220-х гг. (свод архиепископа Антония, по М. Х. Алешковскому). Не вдаваясь сейчас в анализ этих гипотез, заметим одно: факты, на которых они основываются, не имеют, за единственным исключением, непосредственного отношения к той группе статей младшего извода НПЛ, время появления которой в составе владычной летописи мы сейчас пытаемся установить. Исключение составляет гипотеза А. А. Шахматова о «своде 1167 г.»

Создание «свода 1167 г.» А. А. Шахматов считал одним из главных рубежей в истории новгородского летописания. Как уже говорилось, свод этот, по мысли ученого, впервые объединил Новгородскую летопись с Начальной. Выше мы уже отказались от этого положения, признав вслед за Д. С. Лихачевым, что такое объединение произошло почти на полвека раньше и было произведено составителем княжеского свода Всеволода. А. А. Шахматов ошибался также, связывая создание «свода 1167 г.» с учреждением новгородской архиепископии: рукоположенный в 1165 г. Илья-Иоанн не был, как это теперь ясно, первым новгородским архиепископом. Эти справедливо отмеченные Д. С. Лихачевым ошибки А. А. Шахматова стали причиной того, что «свод 1167 г.» незаметно сошел со страниц литературы, посвященной новгородскому летописанию. В работах последних десятилетий, затрагивающих проблемы текстологии НПЛ (М. Х. Алешковский, В. Л. Янин, Н. Н. Подвигина, Б. М. Клосс, В. Водов), этот некогда широко обсуждавшийся этап в развитии новгородского летописания даже не упоминается.

Между тем текстологическая аргументация А. А. Шахматова, доказывающая факт создания в Новгороде около 1167 г. нового летописного свода, остается в силе. Напомним ее. Главное доказательство существования «свода 1167 г.» А. А. Шахматов видел в читающемся в младшем изводе НПЛ добавлении к известию 6557(1049) г. о пожаре дере-

¹¹⁸ Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи... С. 82.

вянной Софии: «а ту стояла святая Софѣя конец Пискуплѣ улицѣ, иде же нынѣ поставилъ Сотѣе церковь камену святого Бориса и Глѣба над Волховомъ» (с. 181). По свидетельству обоих изводов НПЛ (с. 32, 219), церковь Бориса и Глеба была заложена Содко Сытиничем весной 1167 г. «Слово „нынѣ“, — пишет А. А. Шахматов, — прямо указывает на время около 6675(1167) г.: мы не читаем „идеже ныне стоить церковь“, а читаем: „идеже ныне постави“. Итак, вот ясное свидетельство в пользу того, что древние новгородские известия подверглись обработке во второй половине XII в. или, что то же, что во второй половине XII в. возник новгородский летописный свод. Время составления свода определяется приведенным известием. Оно указывает на то, что свод составлен около 1167 г.»¹¹⁹

Другой аргумент А. А. Шахматова апеллирует к перечню киевских князей, помещенному в младшем изводе в статье 6497 г. и доведенному только до Ростислава Мстиславича, умершего в 1166 г. Вокняжение в Киеве Мстислава Изяславича произошло в мае 1167 г. По отсутствию в списке его имени А. А. Шахматов заключает, что список князей (и соответственно — свод, для которого он предназначался) был составлен до того, как в Новгороде стало известно об этом событии. С другой стороны, как свидетельствует «аргумент Содко», он не мог быть составлен до начала строительного сезона 1167 г. На пересечении двух аргументов возникает точная дата создания свода — апрель—май 1167 г.¹²⁰

Эта остроумная и соблазнительная своей точностью датировка вызвала справедливое возражение Д. С. Лихачева, заметившего, что весной 1167 г. церковь Бориса и Глеба была только «заложена», но не «поставлена», освящена же она была 14 октября 1173 г.¹²¹ Однако данное возражение, опровергающее, по мысли Д. С. Лихачева, главный довод А. А. Шахматова — «аргумент Содко», в действительности направлено не против него, а лишь против ограничения времени составления свода началом лета 1167 г., извлекаемого А. А. Шахматовым из перечня киевских князей. Ограничение это, действительно, не кажется убедительным: княжеский перечень мог быть составлен еще до смерти Ростислава Мстиславича, в ходе подготовки материалов для нового свода, и затем переписан без изменений уже после вокняжения в Киеве Мстислава.¹²²

Что же касается самого «аргумента Содко», то он остается непоколебленным и кажется в высшей степени убедительным: нельзя не согласиться с А. А. Шахматовым: фраза «идеже ныне поставилъ Содке церковь камяну Бориса и Глѣба» могла быть написана лишь во второй половине XII в., вскоре после постройки церкви и, по всей вероятности, еще при жизни ее основателя. Вполне оправданным кажется и пред-

¹¹⁹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 203.

¹²⁰ Там же. С. 195, 203.

¹²¹ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 168.

¹²² С другой стороны, завершение перечня именем Ростислава Мстиславича могло иметь под собой и историческое основание: в перспективе последовавшего в 1168 г. при Мстиславе Изяславиче взятия и разорения Киева войсками Андрея Боголюбского (отказавшегося после этого от киевского стола и оставшегося владимирским князем) девятилетнее правление Ростислава Мстиславича (1159—1167) вполне могло представляться новгородскому летописцу конца 1160-х гг. последней достойной упоминания страницей в истории Киевского великого княжения.

положение А. А. Шахматова, что данное замечание было вставлено во владычную летопись при ее редактировании, или, иначе говоря, при составлении нового владычного свода. Можно было бы, конечно, считать, что мы имеем дело с припиской на полях владычной летописи, но одинаковое отражение этой приписки в младшем изводе НПЛ и в «Новгородско-Софийском своде» (Софийской I и Новгородской IV летописях), независимо друг от друга передающих текст владычной летописи, делает это предположение маловероятным.

К сожалению, временная «глубина» древнерусского *нынѣ* не поддается точному определению. Вероятно, так можно было сказать и через год, и через пять, но, может быть, — и через десять лет после возведения церкви. Плохим подспорьем для уточнения времени создания нового владычного свода оказывается, как мы уже видели, и перечень киевских князей. Уточнить датировку свода позволяет помещенный в той же статье 6497 г. список новгородских князей, которому А. А. Шахматов отводил в своей аргументации лишь второстепенную роль. По мнению ученого, список этот, составленный, как и весь архиепископский свод, весной 1167 г., должен был заканчиваться словами: «и введоша опять Ростиславича Святослава». Подтверждение этому А. А. Шахматов видит в том, что «до приведенных слов видим в перечне один прием, а после них другой; до этих слов, начиная именно с княжения Мстислава Владимировича, перечень указывает, сколько времени каждый князь сидел на новгородском столе; между тем за этими словами нет почти ни одного хронологического указания».¹²³

Присмотримся внимательнее к тексту перечня в части, охватывающей 1160—1170-е гг.: «И посади (Ростислав) сына своего Святослава, и самъ иде Киеву на столъ; и выгнаша Святослава и введоша Мстислава Юрьевъ внуку, Ростиславича. И тѣ сѣдивъ годъ и выведе его строи волею, и введоша и опять Ростиславича Святослава; и бѣжа из города; и введоша Романа Мьстиславица, Изяславль внуку. И по томъ сѣде Рюрикъ Ростиславиць; и по томъ сѣде Юрьги Андрѣевич; а по Юрьи Святославъ Мьстиславич, Юрьевъ внуку; а по томъ отецъ его Мстиславъ Безокуи; а по томъ Красныи Ярослав, внуку Юрьевъ...» (с. 162). Наличие в этом перечне рубежа, приходящегося на конец 1160-х гг., не вызывает сомнений. Но где именно проходит этот рубеж? Считаю, что решающее изменение приема происходит после имени Романа Мстиславича, для которого последнего указаны обстоятельства его вокняжения — раньше это было обязательным в перечне. Начиная с Рюрика Ростиславича список приобретает характер простого перечисления имен князей с непременным элементом «а(и) по томъ» или повторением имени предыдущего князя («а по Юрьи»). Рюрик Ростиславич занял новгородский стол 4 октября 1170 г., вскоре после того, как новгородцы «показали путь» Роману Мстиславичу. Если бы составитель перечня работал после изгнания Романа, он бы непременно упомянул об этом событии в свойственной ему манере. Заключаем, таким образом, что перечень новгородских князей составлен не позднее лета 1170 г.

Рассматривая княжеские перечни и вставку в статью 6557 г. с упоминанием церкви Бориса и Глеба как принадлежащие одному сводчику (а для этого, как кажется, есть все основания), мы можем датировать

¹²³ Там же. С. 252.

работу этого сводчика промежутком с весны 1167 по лето 1170 г. С учетом замечания Д. С. Лихачева в пределах этого интервала шахматовская датировка свода весной 1167 г. представляется наименее вероятной: в это время Борисоглебская церковь была и в самом деле только заложена, но еще не «поставлена». Но это соображение не является препятствием для датировки свода 1168—1169 гг. и даже концом 1167 г., когда строящаяся церковь, надо полагать, уже представляла собой достаточно внушительное сооружение, чтобы сказать о ней так, как это сделал составитель нового владычного свода.

Что представлял собой этот свод? (Условно сохраним за ним шахматовское обозначение «свод 1167 г.», хотя точнее было бы называть его «сводом конца 1160-х гг.»). Мы знаем пока лишь две его характеристики, которые были известны и А. А. Шахматову: под 6497 г. в нем имелись перечни киевских и новгородских князей, доведенные соответственно до Ростислава Мстиславича и Романа Мстиславича, а под 6557 г. — приписка с упоминанием строящейся церкви Бориса и Глеба. Но в отличие от А. А. Шахматова, относившего статью 6557 г. ко второму участку младшего извода, мы выше отнесли ее к третьему участку (6553—6582), сдвинув границу двух участков на несколько лет раньше. Эта поправка к шахматовскому членению текста НПЛ в корне меняет положение дел: статья 6557 г. с упоминанием Содко, которую А. А. Шахматов относил к древнейшему текстологическому пласту НПЛ, оказывается в действительности принадлежащей участку текста, имеющему позднейшее происхождение. Тем самым мы получаем ответ на интересующий нас вопрос: текст статей 6553—6582 гг. младшего извода НПЛ впервые появился в новгородском владычном своде конца 60-х гг. XII в.

Оставаясь в рамках гипотезы А. А. Шахматова о последовательности использования в Новгороде двух вариантов Начальной летописи, мы должны были бы далее заключить, что тогда же, при составлении «свода 1167 г.», место Повести временных лет в части до 6524 г. занял текст Начального свода: к такому выводу подталкивает разделяемый большинством последователей А. А. Шахматова (М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, Б. М. Клосс) взгляд, согласно которому текст младшего извода за 6561—6582 гг. восходит к тому же источнику, что и его начало. Заметим, что политическая обстановка конца 60-х гг. XII в. была вполне под стать такой замене: как раз в 1167 г. Новгород находился в затяжном конфликте с князем Святославом и «антикняжеское» предисловие к Начальному своду должно было звучать не менее актуально, чем в 1136 г. Однако конфронтация с князем была для Новгорода настолько обычным состоянием, что аргумент «созвучности» Предисловия тому или иному политическому моменту едва ли может иметь сколько-нибудь существенный вес. Между тем, оставаясь на почве текстологической аргументации, следует признать, что определение А. А. Шахматовым границ использования Начального свода в младшем изводе НПЛ было воспринято его последователями недостаточно критически и при ближайшем рассмотрении оказывается одним из наиболее уязвимых звеньев шахматовской гипотезы.

Возведя текст младшего извода за 6560—6582 гг. к тому же источнику (Начальному своду), из которого было извлечено и его начало, А. А. Шахматов должен был как-то объяснить перерыв, наступающий в передаче младшим изводом текста этого источника после 6524 г. Объ-

яснение было найдено в виде предположения об утрате части листов в середине использованного в Новгороде списка Начального свода.¹²⁴ На первый взгляд это допущение выглядит вполне правдоподобным, так как дефектность использованного списка подтверждается несомненной утратой его конца (иначе едва ли возможно объяснить незавершенность рассказа об успении Феодосия в статье 6582 г.). Тем не менее настораживают границы предполагаемой лакуны. Если бы мы действительно имели дело с проявлением дефектности списка, эти границы были бы столь же случайны, как рубеж 6582/6583 гг. Между тем нижняя граница «лакуны» странным образом совпадает с прекращением последовательного воспроизведения Начальной летописи в Синодальном списке, насколько о нем можно судить по окончанию статьи 6524 г. и объему утраченного начала рукописи. Не менее замечательна и верхняя граница: статья 6553 г., начиная с которой текст Начальной летописи снова передается в полном объеме, сообщает о закладке Владимиром в Новгороде церкви св. Софии. Для летописного свода, создававшегося при Софийском соборе, это явно не может быть случайностью.

Кажется совершенно невероятным, чтобы обнаружившийся в Новгороде список Начального свода случайно прерывался именно там, где новгородский свод Всеволода отходил от полной передачи текста Начальной летописи. Конечно, можно было бы предположить, что составитель младшего извода НПЛ специально использовал Начальный свод лишь в тех пределах, в которых перерабатываемая летопись содержала полный текст Повести временных лет, и затем вернулся к нему еще раз, начиная с сообщения о закладке новгородской Софии, однако искусственность такого построения очевидна. Наличие рубежа 6524 г. в обоих изводах НПЛ можно было бы также объяснить, исходя из гипотезы Д. С. Лихачева, относящего реформу софийского летописания ко времени до создания протографа Синодального списка; но от этой гипотезы нам выше уже пришлось отказаться, и более апеллировать к ней мы не вправе. Думается, что указанные совпадения в принципе невозможно объяснить, оставаясь в рамках шахматовской схемы последовательного привлечения к новгородскому летописанию сначала Начального свода, а затем Повести временных лет. Необходимо поэтому еще раз проверить обоснованность самой этой схемы.

В отличие от текста младшего извода в части до 6524 г., в целом ряде существенных моментов расходящегося с ПВЛ и обнаруживающего при этом свою первоначальность, восходящий к Начальной летописи текст статей 6553—6582 гг. «свода 1167 г.» практически идентичен тексту ПВЛ.¹²⁵ Таким образом, содержательные основания для возведения

¹²⁴ См.: Шахматов А. А.: 1) Разыскания... С. 193; 2) Киевский Начальный свод 1095 г. С. 125.

¹²⁵ Единственное крупное различие заключается, напомним, в отсутствии в младшем изводе НПЛ под 6559 г. Сказания об основании Печерского монастыря, которое, скорее всего, было сознательно опущено составителем «свода 1167 г.» (см. с. 53). Из статей младшего извода 6562—6582 гг. А. А. Шахматов приводит лишь два примера более первоначальных по сравнению с ПВЛ чтений: «под 6562(1054) сохранилось указание на то, что Ярослав завещал Игорю Володимир, что опущено в Повести вр. лет; под 6576 (1068) читаем „а князь их яша Шаракана“, между тем в Повести вр. лет „а князя их яша руками“» (Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 154). Однако эти действительно более первоначальные чтения еще не свидетельствуют об использовании

его к тому же источнику, из которого было извлечено и начало младшего извода, отсутствуют. Поэтому, доказывая данное положение, А. А. Шахматов вынужден был прибегнуть к логическому построению, объединяющему несколько разноплановых аргументов. Общая схема его рассуждения такова. С одной стороны, шов 6582/6583 г., внезапно обрывающийся в младшем изводе рассказ об успении Феодосия, с несомненностью свидетельствует об использовании в предшествующих ему статьях младшего извода особого, второго источника, отличного от старшего извода НПЛ. С другой стороны, содержание младшего извода в части до 6524 г. обличает использование в качестве источника «свода, близкого, но не тождественного ПВЛ» и более первоначального по сравнению с нею. Считая, что первый источник младшего извода НПЛ — старший извод — в части до 6623 г. использовал ПВЛ в третьей редакции, А. А. Шахматов отождествляет «свод, близкий, но не тождественный ПВЛ», со «вторым источником» младшего извода.¹²⁶ Таким образом устанавливается жесткая корреляция между «вторичностью» текста в составе НПЛ и его «первичностью» в плане текстологии самой Начальной летописи. Одно, по А. А. Шахматову, предполагает другое. Относительно начала младшего извода доказана принадлежность его Начальному своду — делается вывод о замене этим текстом некогда существовавшего начала Новгородской летописи, основанного на ПВЛ. Относительно статей 6560—6582 гг. доказана их вторичность в составе Новгородской летописи — делается вывод о принадлежности соответствующего текста Начальному своду.

Как можно заметить, ключевым в этом построении А. А. Шахматова является определение киевского источника старшего извода НПЛ как третьей редакции ПВЛ. Правомерность такого определения вызывает, между тем, самые серьезные сомнения методологического характера. В рассуждениях А. А. Шахматова нетрудно обнаружить порочный круг: к НПЛ — одному из главных источников реконструкции истории формирования Начальной летописи — применяется уже существующая классификация вариантов той же Начальной летописи. Из совпадения киевских известий НПЛ конца XI—начала XII в. с читающимися в части дошедших до нас списков Повести временных лет А. А. Шахматов заключил, что и в начальной своей части использованный летописный свод был тождествен ПВЛ. По-видимому, при этом ученый исходил из своего понимания Начального свода как текста, заканчивавшегося описанием половецкого нашествия 1093 г., считая все изложение событий конца XI—начала XII в. принадлежащим Нестору, составителю ПВЛ. Ниоткуда не следует, однако, что сам Начальный свод 1093—1095 гг. не был продолжен записями за последующие годы, вплоть до середины 10-х гг. XII в. Возможность такого продолжения, не сопровождавшегося переработкой основного текста Начального свода, А. А. Шахматовым не была учтена. Не рассматривалась она и большинством его последователей. Значение этой возможности было по достоинству оценено лишь М. Х. Алешковским, положившим ее в

свода, предшествующего ПВЛ, — они могли быть свойственны и самой ПВЛ в ее первоначальном виде, который, как известно, в дошедших до нас списках подвергся определенным искажениям.

¹²⁶ См.: Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 124—125.

основание собственной гипотезы соотношения древнейших русских летописных сводов.

Напомню, что в отличие от А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева и других авторов М. Х. Алешковский относит начало младшего извода (до 6524 г.) к древнейшему текстологическому пласту НПЛ (своду Мстислава), объединяя его с общим для двух изводов участком IV (6583—6623). Текст же младшего извода на участке III М. Х. Алешковский, как и все другие исследователи, считает вторичным для НПЛ, предположительно относя его появление в составе младшего извода к XV в. С последней датировкой (впрочем, предложенной без особой уверенности) невозможно согласиться: выше было показано, что статьи младшего извода 6553—6582 гг. восходят к «своду 1167 г.». Однако в главном М. Х. Алешковский был, по-видимому, прав: новгородский летописный свод начала XII в., впервые объединивший местный летописный материал с Начальной летописью, основывался не на Повести временных лет в ее известном нам виде, но на тексте предшествующего ей летописного свода, который, открываясь Предисловием, написанным около 1095 г., доводил изложение до 1115 г.

Предложенное М. Х. Алешковским определение этого свода как первой редакции Повести временных лет, «авторского» текста Нестора, кажется далеко не бесспорным, здесь возможны, вероятно, и альтернативные решения. Впрочем, вопрос этот относится уже исключительно к области текстологии Начальной летописи и прямого отношения к истории новгородского летописания не имеет. До его выяснения киевский источник свода Всеволода уместно будет определить как Начальный свод конца XI в. с продолжением до 1115 г. Для нашей темы важен другой вопрос: насколько точно воспроизведен в младшем изводе НПЛ текст этого свода, особенно начальной его части?

Дело в том, что М. Х. Алешковский в отличие от А. А. Шахматова, видевшего в начальных пассажах младшего извода довольно точное отражение текста Начального свода,¹²⁷ полагал, что «авторский» текст Нестора дошел до нас в составе НПЛ не в его первоначальном виде, но с поправками и пропусками, которым он подвергся в конце 20-х гг. XIII в. при составлении свода архиепископа Антония. В частности, как считал М. Х. Алешковский, сводчик Антония резко сократил вступительную часть труда Нестора, отбросив библейское введение и рассказ о расселении славян с Дуная.¹²⁸ В такой трактовке начала НПЛ М. Х. Алешковский не одинок. В последнее время сходная точка зрения была высказана В. Я. Петрухиным, также настаивающим на том, что начало младшего извода в том виде, в каком оно дошло до нас, передает текст Начальной летописи с сокращениями, предпринятыми сводчиком XIII в.¹²⁹

Автору настоящей работы фигура новгородского сводчика начала XIII в., придавшего начальной части НПЛ ее нынешний вид, представляется скорее призрачной, чем имеющей за собой реальное текстоло-

¹²⁷ См. реконструкцию Начального свода в кн.: Шахматов А. А. Повесть временных лет. СПб., 1916. Т. 1. С. 1—8.

¹²⁸ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 29—30, 71—83.

¹²⁹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М., 1995. С. 73—74.

гическое содержание. Фактически единственным основанием для предположения о редактировании начальной части новгородского владычного свода в начале XIII в. является заключительная фраза Предисловия к «Временнику», обещающая довести изложение «до Александра (Олексы) и Исакия». Большинство исследователей видят в этих словах редакторскую вставку, отождествляя упомянутых лиц с византийскими императорами-соправителями начала XIII в. Алексеем и Исааком Ангелами, упоминаемыми и в Повести о взятии Царьграда, помещенной в обоих изводах НПЛ под 6712(1204) г.¹³⁰ Однако значение данного хронологического указания кажется в высшей степени сомнительным ввиду сохраняющейся возможности отождествления «Олексы и Исакия» не с Ангелами, а с Комнинами — Алексеем (1085—1118) и его братом Исааком, севастократором, и соответственно — отнесения всей фразы к первоначальному тексту Предисловия. А. А. Шахматов, придерживавшийся этой точки зрения в статье 1909 г. и в более поздних работах,¹³¹ допускал также, что в первоначальном тексте читались лишь имена Михаила и Олексы, а имя Исакия было просто дописано в XIII в. в связи с включением в летопись Повести о взятии Царьграда.¹³² Так или иначе, достаточным основанием для вывода о создании в Новгороде в начале XIII в. нового летописного свода рассматриваемая фраза не является.

Но, может быть, предполагаемые М. Х. Алешковским и В. Я. Петрухиным сокращения были произведены еще сводчиком конца 1160-х гг.? Или даже еще раньше — составителем свода Всеволода? Эти предположения вполне можно было бы принять, если бы соотношение начальных пассажей ПВЛ и НПЛ действительно давало основания считать текст последней искусственно «усеченным». Но так ли это? М. Х. Алешковский, полагая, что библейское введение и рассказ о расселении славян читались уже в «авторском» тексте Нестора, исходил из противоречий соответствующей части ПВЛ, объясняемых им как результат внесения в текст Нестора вставок, принадлежащих «редактору Василию».¹³³ Однако часть таких противоречий находит себе объяснение

¹³⁰ Из работ последнего времени см., помимо уже названных: *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка... С.174—175; *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая. С. 247.

¹³¹ Обоснование такого отождествления см.: *Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. СПб., 1909. Т. 13, кн. 1. С. 229—233; этой же точки зрения А. А. Шахматов придерживается в статье «Летописи» для «Нового энциклопедического словаря», написанной в 1915 г. (воспроизведена в кн.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 361).

¹³² *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. С. XXII. Позднее, в работе о Киевском Начальном своде Шахматов вернулся к отождествлению Олексы и Исакия с Ангелами, считая использованный в Новгороде текст Начального свода происходящим из того же южнорусского свода, из которого была извлечена и Повесть о взятии Царьграда, а также южнорусские известия 6711, 6712 гг. Однако, как мы предположили выше, эти южнорусские известия восходят не к южнорусскому, а к владимирскому источнику; Начальный же свод был известен в Новгороде еще со времен свода Всеволода. Таким образом, дополнительных оснований для отождествления упоминаемых в Предисловии императоров с Ангелами, в данной работе А. А. Шахматова не находим.

¹³³ См. анализ этих противоречий: *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. С. 19, 39—40.

в самой манере космографического описания, постоянно и по-разному возвращающегося к одним и тем же мотивам; другие же просто являются мнимыми, как это убедительно показал В. Я. Петрухин на примере двукратного упоминания руси, лишь на первый взгляд кажущегося противоречивым, а в действительности вполне отвечающего общей этногенетической концепции ПВЛ.¹³⁴

Сам В. Я. Петрухин видит следы «усечения» космографического введения в начальной фразе НПЛ: «Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ» (с. 104). В этой фразе исследователь опознает цитату из библейской «таблицы народов» (Быт., X, 5: «от сих населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих») и рассматривает ее как случайно сохранившийся остаток усеченного космографического введения.¹³⁵ С первой частью этого утверждения следует согласиться: хотя о цитате в строгом смысле слова здесь едва ли можно говорить, сама организация летописной фразы явно заимствована из Библии. Однако, усматривая в приведенной фразе неявное присутствие библейского образца, ее совсем не обязательно считать «остатком» более широкого контекста. Более того, как раз в контексте космографического описания ПВЛ эта цитата обесмысливается, будучи отнесена не к разным народам и племенам, что было бы естественно, но к одному лишь племени полян: «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своим родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюща кождо родомъ своимъ».¹³⁶

Текст ПВЛ в данном месте вообще представляет целый клубок противоречий, частично уже отмечавшихся.¹³⁷ Он поражает уже своей тавтологичностью (в то время как поляне жили, управляя своими родами, они жили, управляя каждым своим родом). Нарушает правила построения связного текста употребление местоимения «сии» применительно к братьям, речь о которых еще только впереди. Непонятно, что имеется в виду под «родами» полян: как выясняется далее из текста НПЛ, «владеть своим родом» могли целые племена («Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а Чудь своимъ родомъ» — с. 106). Наконец, упоминание полян, предвещающее рассказ о Кие, Щеке и Хориве, делает непонятным, зачем понадобилось летописцу чуть ниже как бы впервые вводить этот этноним: «бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне».¹³⁸

Все эти противоречия снимаются, если признать вслед за А. А. Шахматовым, что начальная фраза НПЛ открывала собой и Начальный свод. В таком случае все становится на свои места: библейская цитата оказывается выполняющей роль общей космографической экспозиции; слова «володеюще кождо родомъ своимъ» относятся не к полянам, а вообще к древним племенам, населявшим Русскую землю;

¹³⁴ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 25—36.

¹³⁵ Там же. С. 11.

¹³⁶ ПСРЛ. 1926. Т. 1. С. 9.

¹³⁷ См.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 71.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 9.

упоминание полян после рассказа о трех братьях оказывается действительно первым их упоминанием; наконец, находит объяснение тавтологичность фразы ПВЛ и странное употребление местоимения: первая часть фразы является вставкой составителя ПВЛ, недостаточно искусно соединившей сочиненное им космографическое введение с прежним началом летописи, в котором этого введения не было.

В пользу шахматовской реконструкции свидетельствует и то идеальное соответствие, в котором находится нынешнее начало НПЛ и содержание Предисловия к Начальному своду. Начинаясь с рассуждения о названиях знаменитых городов, поясняющего происхождение названия Киева и вводящего его во всемирно-историческую перспективу, Предисловие заканчивается уже упоминавшимся определением хронологических рамок повествования, называемым в качестве нижнего предела царствование «Михаила цесаря» (с. 103). В полном соответствии с этим далее следует рассказ об основании Киева тремя полянскими братьями, искусственно синхронизированный, под 6362 г., с известием о набеге Руси на Царьград в царствование Михаила. Трудно представить себе, чтобы такое соответствие появилось в результате отсечения гипотетическим сводчиком XIII в. первоначально присутствовавшего в своде библейско-космографического введения. Между Предисловием и следующим за ним текстом это введение композиционно просто не находит себе места.¹³⁹

Прежде чем двинуться дальше, повторим вкратце выводы, к которым уже пришли. В формировании текста НПЛ в хронологических пределах, охваченных Начальной летописью, прослеживаются два этапа — создание во второй половине 10-х гг. XII в. княжеского свода Всеволода (или Мстислава) и составление владычного свода конца 1160-х гг. («свода 1167 г.»). В основание свода Всеволода был положен киевский Начальный свод конца XI в. с продолжением до 1115 г. В части до 6524 г. сводчик Всеволода воспроизвел текст своего киевского источ-

¹³⁹ Отвести этот аргумент можно было бы, лишь предположив, что Предисловие в целом написано в XIII в. и в Новгороде, как считает А. Г. Кузьмин (см.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 94—101). Доводы Кузьмина, однако, явно проигрывают по сравнению с шахматовской аргументацией в пользу создания Предисловия в Киеве в 90-х гг. XI в. В частности, настаивая на новгородском происхождении Предисловия, Кузьмин полностью игнорирует откровенно киевские реалии, отмеченные Шахматовым (златоверхие церкви «на горах», многолюдные монастыри и др.). К шахматовским аргументам, доказывающим древность Предисловия (см.: Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 157—160), можно добавить еще один, лингвистический. Имею в виду характерную форму имперфекта *будяше*, употребленную во фразе: «оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье» (с. 104). Данное образование представляет собой грамматический архаизм, который, будучи неоднократно засвидетельствован в оригинальных и переводных памятниках, относящихся к древнейшему пласту русской книжности (Повесть временных лет, Житие Феодосия Печерского, Изборник 1073 г., Слова Григория Богослова, Хроника Амартола, Пандекты Никона Черногорца), не представлен, насколько можно судить по выявленным до сих пор примерам, в оригинальных древнерусских текстах, созданных позднее первой четверти XII в. (см. специально об этой форме: Мустафина Э. К. Редкая форма имперфекта глагола *быти* в литературном языке Древней Руси // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М.: МГУ, 1991. С. 55—61).

ника полностью, а далее, вплоть до 6623(1115) г. ограничился краткими извлечениями из него. Дополнительным источником этой части свода Всеволода явился Новгородский свод XI в., также использованный в виде кратких извлечений. Около 1132 г. продолженный княжескими летописцами свод Всеволода перешел в ведение новгородской епископской кафедры. В конце 1160-х гг. владычная летопись подверглась редактированию; в новом владычном своде место кратких статей 6553—6582 гг. занял текст, читаемый ныне в младшем изводе НПЛ. Синодальный список НПЛ, восходящий в этой его части к списку Германа Вояты, отражает состояние владычной летописи до создания «свода 1167 г.».

Рассмотрим теперь подробнее содержание и источники «свода 1167 г.». Как мы теперь знаем, появление в нем нового текста статей 6553—6582 гг. не сопровождалось кардинальной переработкой начальной части свода Всеволода, которая, по-видимому, полностью перешла во вновь создаваемый свод, осложнившись лишь несколькими вставками (о которых см. ниже). Таким образом, работа составителя второго новгородского свода XII в. раскрывается перед нами не как глобальная ревизия всего софийского летописания, а как дополнение основанной на княжеском своде начала XII в. владычной летописи новым материалом. Эта задача решалась сводчиком в определенных хронологических рамках: распространению подлежала лишь та часть владычного свода, которая охватывала период существования главной новгородской святыни — Софийского собора. С этой целью начиная со статьи 6553 г. сводчиком был использован список Начальной летописи, который, однако, был дефектным и обрывался посередине статьи 6582 г.

Попробуем определить, какой из вариантов Начальной летописи был использован составителем нового владычного свода. С одной стороны, это вполне мог быть тот же список Начального свода (только утративший к этому времени окончание), которым пользовался ранее составитель свода Всеволода. В то же время в распоряжении сводчика мог находиться и текст одной из редакций ПВЛ. Практически полное совпадение восходящего к Начальной летописи текста статей 6553—6582 гг. с текстом ПВЛ свидетельствует как будто в пользу второго предположения. Однако полностью отвергать на основании этого совпадения возможность отражения и на этом участке младшего извода текста Начального свода мы не вправе: последний мог в этой его части и не подвергнуться редактированию при создании ПВЛ, войдя в нее без особых изменений.

М. Х. Алешковский, писавший об использовании в данной части младшего извода «редакторского» текста ПВЛ (т. е., по А. А. Шахматову, собственно ПВЛ, а не Начального свода), приводил примеры противоречий и накладок — следов позднейшей переработки «авторского» текста Нестора.¹⁴⁰ Но где гарантия, что этих противоречий и накладок не было уже в самом Начальном своде, который, как известно, вовсе не представлял собой текстологического монолита и лишь условно был назван А. А. Шахматовым «Начальным»? К тому же выводы, полученные на основании имманентного содержательного анализа текста и не подкрепленные внешним сопоставлением, всегда обладают лишь относительной значимостью и легко могут быть оспорены, что нам и при-

¹⁴⁰ См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 39—40.

шлось сделать выше в отношении реконструированного М. Х. Алешковским космологического введения Нестора. Приходится признать, таким образом, что сам текст статей 6553—6582 г. не позволяет с уверенностью определить его источник.

Идентифицировать вариант Начальной летописи, использованный составителем «свода 1167 г.», позволяет, однако, перечень киевских князей из статьи 6497 г., составленный, как мы знаем, тем же сводчиком. В нем обращает на себя внимание описание раздела русской земли наследниками Ярослава: «И преставися Ярослав и ошашася 3 сынове его: вятшии Изяславъ, а среднии Святославъ, меншии Всеволодъ. И разделиша землю, и взя болшии Изяславъ Киевъ и Новъгород и иньи городы многы киевская во предѣлах; а Святославъ Черниговъ и всю страну восточную и до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволожье» (с. 160). Реальная историческая ситуация здесь явно искажена: сыновей Ярослава осталось после его смерти не три, а пять, о чем составитель списка прекрасно знал (ср. сообщение о том же событии в статье 6563 г. младшего извода НПЛ: «Пришедши Изяславъ сѣде в Киевѣ, а Святославъ в Черниговѣ, Всеволод в Переяславль, а Игорь в Володимерѣ, Вячеславъ въ Смоленскѣ» (с. 182)). Причина, побудившая автора перечня сократить число Ярославичей до трех, вполне очевидна: сообщение о разделе земли сыновьями Ярослава построено им по образцу рассказа Повести временных лет о разделе земли сыновьями Ноя, что проявляется и на стилистическом уровне — в заимствовании отдельных оборотов («разделиша землю», «всю страну восточную»).

В младшем изводе НПЛ рассказ о сыновьях Ноя не читается; согласно реконструкции А. А. Шахматова, он отсутствовал и в Начальном своде, как не было в нем и всего космографического введения, добавленного составителем ПВЛ. Выше мы имели возможность убедиться в справедливости этой реконструкции. Обнаруженный факт представляется поэтому исключительно показательным, свидетельствуя о том, что составитель «свода 1167 г.» располагал текстом Начальной летописи в варианте, отличным от использованного его предшественником — составителем свода Всеволода. Его источником был уже не Начальный свод, а Повесть временных лет.

Дефектный список ПВЛ был не единственным источником, которым пользовался составитель владычного свода конца 1160-х гг., создавая новый текст статей 6553—6582 гг. Как уже говорилось, ряд известий в этой части младшего извода не находит соответствия в ПВЛ и явно восходит к новгородскому источнику. Ничто не мешает видеть в нем тот же Новгородский свод XI в., который в свое время послужил одним из двух источников свода Всеволода.¹⁴¹ В отличие от текста ПВЛ, вос-

¹⁴¹ Этому допущению противоречит, казалось бы, тот факт, что известия о пожаре деревянной Софии читаются в старшем и младшем изводах НПЛ в разных редакциях и под разными годами. Однако, как показал Н. Г. Бережков, перенос этого известия в статью 6553 г. в Синодальном списке (произведенный, по-видимому, составителем свода Всеволода) является своеобразной реконструкцией сводчика, смущенного тем обстоятельством, что строительство каменной Софии началось еще до пожара старой (см.: *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 221*). Иной точки зрения придерживается В. Л. Янин, считающий правильной дату Синодального списка (см.: *Янин В. Л. Очерки ком-*

произведенного сводчиком в указанных пределах полностью, за исключением сказания об основании Печерского монастыря, Древний Новгородский свод был использован им лишь выборочно, о чем можно судить по отсутствию в младшем изводе ряда новгородских известий, как включенных ранее в свод Всеволода и читающихся в Синодальном списке, так и использованных позднее составителем протографа Софийской I и Новгородской IV летописей (см. примеч. 110, 111).

Обращение составителя «свода 1167 г.» к Новгородскому своду XI в. на год опережает его обращение к ПВЛ: из этого источника им было выписано уже известие 6552 г. о походе Ярослава на Литву и закладке Владимиром новгородского Детинца («а на весну же Володимиръ заложи Новъгородъ и села и» (с. 181)), предваряющее сообщение статьи следующего 6553 г. о закладке св. Софии и таким образом открывающее блок известий, связанных со строительством Софийского собора. В этот блок, помимо уже названных, входят также извлеченные из Новгородского свода XI в. известия 6557 г. о пожаре деревянной Софии и 6558 г. о завершении строительства Софийского собора, а также восходящее к ПВЛ известие 6560 г. о смерти строителя св. Софии — Владимира Ярославича и его погребении в созданном им храме.

Таким образом, первые годы существования патронального храма Новгорода оказались освещенными в новом владычном своде значительно полнее, чем в своде Всеволода. В свете общей композиции данного раздела «свода 1167 г.» представляется не случайным и пропуск Сказания об основании Печерского монастыря под 6559 г., который мог быть обусловлен нежеланием сводчика разрывать этим пространством повествованием блок «софийских» известий 6552—6560 г.¹⁴²

Замечательно, что, существенно расширив круг «софийских» известий 6552—6560 гг., составитель «свода 1167 г.» в то же время опустил известия свода Всеволода за годы, предшествующие строительству св. Софии (6547 — освящение Владимиром церкви Богородицы, 6550 — поход Владимира на греков, 6551 — поход Владимира на Емь, 6552 — крещение останков Ярополка и Олега). Причина этого вряд ли заключалась в «невразумительности» некоторых из этих известий, как это предполагал А. А. Шахматов.¹⁴³ Скорее, такое поведение сводчика было продиктовано стремлением более четко обозначить исторический рубеж, связанный с возведением Новгородской Софии. В новом своде блок «софийских» известий оказался отделен от предыдущего сообще-

плексного источниковедения. С. 124). В таком случае, однако, остается непонятным, что могло побудить составителя «свода 1167 г.» перенести это сообщение в статью 6657 г. Между тем, предполагаемое Н. Г. Бережковым обратное перемещение вполне правдоподобно. В любом случае ничто не мешает считать противоречащие друг другу известия двух изводов НПЛ восходящими к одному и тому же источнику — Новгородскому своду XI в.

¹⁴² К блоку «софийских» известий примыкают и извлеченные из Новгородского свода XI в. известия 6563 и 6566 гг., проследивающие судьбу другого основателя Софийского собора — епископа Луки. Не связано с софийской тематикой лишь одно известие, заимствованное из того же источника, — сообщение о походе Изяслава на сосолов, которым сводчик продолжил рассказ ПВЛ о военных событиях 6568 г.

¹⁴³ *Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 125.*

ния (известия 6545 г. о завершении строительства Софии Киевской!) рядом из шести «пустых» лет.

Столь ярко выраженный интерес сводчика к св. Софии провоцирует на предположение, что именно в «своде 1167 г.» новгородская владычная летопись получила название «Софийский временник». От такого предположения все же следует воздержаться. Скорее всего, данное сочетание вообще никогда не было самоназванием софийской летописи, которая всегда, начиная со свода Всеволода, называлась просто «Временник», как в списках НПЛ младшего извода. Определение «Софийский», читаемое в Софийской I и Новгородской IV летописях, было добавлено составителем их общего протографа как указание на происхождение использованного источника.¹⁴⁴

Весьма вероятно, впрочем, что сводчиком конца 1160-х гг. в полное название «Временника» была сделана другая вставка, подчеркивающая историческое первенство Новгородской «волости» перед Киевской: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князеи и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднее время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, *преже Новгородская волость и потом Киевская*, и о поставлении Києва, како во имя назвася Киевъ» (с. 103). На то, что выделенная фраза является вставкой, обратил внимание Д. С. Лихачев, возведя ее к своду 1136 г.¹⁴⁵ С последним мы, по понятным причинам, не можем согласиться. Ясно, однако, что эта фраза, противоречащая своей откровенной новгородской тенденцией «киевскому» пафосу Предисловия к «Временнику» и композиционно нарушающая логику развертывания названия, не могла читаться в названии Начального свода. Маловероятно и появление ее в княжеском своде Всеволода, заказчик которого вовсе не был заинтересован в акцентировании исторического превосходства Новгорода. Между тем появление данной вставки под пером составителя «свода 1167 г.», работавшего в период напряженного отстаивания Новгородской боярской республикой своей независимости, кажется исторически вполне оправданным и потому наиболее вероятно.

От своего прямого предшественника — свода Всеволода — владычный свод конца 1160-х гг. отличался не только новым текстом статей 6547—6582 гг. и отредактированным названием. Как мы уже знаем, другой важнейшей частью работы сводчика было создание перечней киевских и новгородских князей, помещенных в статье 6497 г. Тогда же, вероятно, были составлены и другие перечни статьи 6497 г. Свидетельством одновременного создания списков новгородских князей, владык и посадников является использование во всех трех перечнях данных, отсутствовавших в своде Всеволода и почерпнутых, возможно, из Новгородского свода XI в. (имена первых посадников: Гостомысла, Константина, Остромира; епископов: Луки, Стефана, Германа; целый ряд исторических подробностей в списке новгородских князей).¹⁴⁶

Перечни статьи 6497 г. тесно связаны с остальным ее содержанием — сообщением об учреждении на Руси после ее крещения основных цер-

¹⁴⁴ Заключаем об этом на том основании, что в списках обеих летописей оно особо выделено кинмарью, как и другие заголовки, принадлежащие сводчику XV в. (см.: ПСРЛ. 1915. Т. 4, вып. 1. С. 8; ПСРЛ. 1925. Т. 5. С. 8).

¹⁴⁵ См.: Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 175.

¹⁴⁶ См.: Шахматов А. А. Разыскания... С. 251—257.

ковных институтов и рассказом о крещении Новгорода. Оба эти известия отсутствуют в ПВЛ и не могут быть возведены к Начальному своду. Рассказ о новгородском крещении, в более полном виде сохранившийся Софийской I и Новгородской IV летописями, по-видимому, восходит к Новгородскому своду XI в. Для первого сообщения такое происхождение маловероятно: в его нынешнем виде, с упоминанием о получении Новгородом в отличие от других городов архиепископа, оно едва ли могло появиться до начала XII в., к которому большинство исследователей относят приобретение новгородскими владыками архиепископского титула.

В принципе включение обоих известий в текст Начального свода могло быть произведено как сводчиком конца 1160-х гг., так и составителем лежащего в его основе свода Всеволода. Выбирая между двумя этими возможностями, нельзя не обратить внимания на следующую деталь: последовательность перечней, содержащихся в статье 6497 г. (крещеные(!) князья киевские и новгородские, русские митрополиты, новгородские архиепископы, русские епископии, новгородские посадники), отражает, за исключением последнего пункта, структуру открывающего статью сообщения: «Крестися Володимиръ и вся земля Руская; и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и диаконы; и бысть радость всюду» (с. 159). Столь явная связанность между собой двух частей статьи, из которых первая как бы содержит в сжатом виде программу второй, делает весьма вероятным, что не только перечни, но и весь текст статьи 6497 г. впервые появился во владычном летописном своде при редактировании его в конце 60-х гг. XII в.

Утрата первых 16 тетрадей Синодального списка, содержавших, как мы полагаем, первоначальный текст свода Всеволода, не позволяет, к сожалению, составить точное представление о соотношении двух новгородских сводов XII в. в части до 6524 г. Кажется, впрочем, что за исключением названия свода и статьи 6497 г. остальной текст младшего извода в указанных пределах не несет на себе очевидных следов редакторской переработки свода Всеволода. Несомненные следы такой переработки обнаруживаются, однако, в самой статье 6524 г. Не касаясь построения данной статьи в целом, требующего специального анализа, ограничимся рассмотрением ее заключительной части, допускающей сопоставление двух изводов НПЛ.

В рассказе младшего извода НПЛ о Любечской битве и последовавших за ней событиях имеются три очевидные вставки, отсутствующие в Синодальном списке. Приведем окончание статьи 6524 г. по Комиссионному списку, выделив эти вставки: «и бысть съча зла, *оже за руки емлющеся съчаху и по удолиемъ кровь течаше; мнозѣ вѣрнии видяху ангелы божиа помагующа Ярославу*; и до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святополкъ в Печенѣгы, *и бысть межи Чахы и Ляхы, никимъ же гонимъ пропаде оканнши, и тако злѣ животь свои сконча; яже дымъ и до сего дни есть*; а Ярославъ иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вои свои дѣлитъ, старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривень всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, *и давъ имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сеи грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите*» (с. 175—176).

Источником первых двух вставок послужила статья 6527 г. ПВЛ, из которой были извлечены литературные образы, дополнившие описание Любечской битвы (редактор нашел их в описании Альтской битвы 1119 г.), и сообщение о гибели Святополка «межи Чахы и Ляхы». Выражения «за руки емлющего сѣчаху» и «по удолиемъ кровь течаше» присутствуют, с небольшими грамматическими вариантами, во всех списках ПВЛ. Фразы об ангелах, помогающих Ярославу, нет в Лаврентьевской, Ипатьевской и связанных с ними летописях, но она читается в Софийской I и Новгородской IV летописях. Поскольку эта фраза имеется в описании Альтской битвы и в паремийном чтении о Борисе и Глебе,¹⁴⁷ есть основания полагать, что она находилась и в первоначальной версии летописного рассказа, но была утрачена в той редакции ПВЛ, которая дошла до нас в летописях Лаврентьевско-Ипатьевской группы. В случае со второй вставкой прямое текстуальное совпадение со статьей 6527 г. ограничивается определением места гибели Святополка, но ничто не мешает считать, что здесь мы имеем дело с вольным переложением того же источника.

Что же касается отсутствующего в ПВЛ упоминания о «правде и уставе», данных Ярославом новгородцам, то оно, вероятно, восходит к Новгородскому своду XI в. Предполагать это позволяет явное стилистическое сходство данного пассажа с извлеченным, несомненно, из того же источника известием Софийской I и Новгородской IV летописей о другой грамоте, данной Ярославом новгородцам в 1136 г.: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сеи грамотѣ дадите дань».¹⁴⁸

В Софийской I и Новгородской IV летописях фраза с упоминанием «правды и устава» вместе с предшествующим ей сообщением о награждении Ярославом новгородцев читается не под 6524 г., как в НПЛ, а в конце статьи 6527 г., т. е. в той же статье, в которой обнаруживается источник двух первых вставок. Естественно возникает вопрос: не были ли все три вставки заимствованы в XV в. сводчиком младшего извода НПЛ из статьи 6527 г. «Новгородско-Софийского свода» 30-х (?) гг. XV в. — протографа Софийской I и Новгородской IV? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Дело в том, что в отличие от известия о гибели Святополка, которое, будучи перенесено в статью 6524 г., выглядит в младшем изводе НПЛ явным анахронизмом, упоминание пожалованных новгородцам «грамоты» и «устава», несомненно, читалось в Новгородском своде XI в. именно под 6524 г. в связи с сообщением о награждении новгородцев Ярославом после Любечской битвы. Поскольку сам рассказ НПЛ о Любечской битве, отличный от читаемого в ПВЛ, восходит, по-видимому, к тому же Древнему Новгородскому своду, третья вставка в окончание статьи 6524 г. младшего извода может быть признана таковой лишь относительно свода Всеволода, отраженного в Синодальном списке. В действительности она лишь восстанавливает текст, который именно в таком виде читается в Новгородском своде XI в. Невозможно себе представить, чтобы подобное восстановление было произведено на основании летописи типа Софийской I и Новгородской IV, где рассказ о Любечской битве дан в контаминированном с ПВЛ варианте, а сообщение о награждении нов-

городцев и пожаловании им «грамоты» и «устава» перемещено в статью 6527 г.

Следовательно, летописец, редактировавший статью 6524 г., пользовался двумя источниками — статьей 6527 г. ПВЛ и статьей 6524 г. Новгородского свода XI в. На тех же источниках основан, как мы знаем, и текст младшего извода НПЛ за 6552—6582 гг., и перечни статьи 6497 г., т. е. тексты, отнесенные выше к «своду 1167 г.». Не будет поэтому натяжкой предположение, что и вставки в статью 6524 г. были сделаны тем же сводчиком. Это тем более вероятно, что в перечне новгородских князей обнаруживается и прямая отсылка к отредактированному окончанию статьи 6524 г.: «и писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: по сеи грамотѣ ходите» (с. 161).

Попробуем восстановить последовательность и логику изменений, которые претерпело окончание статьи 6524 г. в новгородских летописных сводах XI—XII вв. Согласно убедительной реконструкции А. А. Шахматова, в Новгородском своде XI в. оно имело следующий вид: «и бысть сѣча зъла и до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святопѣлкъ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Киеву и сѣде на столѣ отца своего Володимира; и нача воѣ своѣ дѣлити, старостамъ по 10 гривнѣ, а смърдомъ по гривнѣ, а новгородьцемъ по 10 гривнѣ всѣмъ, и отпусти я домови вся, и да имъ правду, и уставъ списа въ грамоту, тако рекъ имъ: по сеи грамотѣ ходите, якоже съписахъ вамъ, такоже държите».¹⁴⁹

Составитель княжеского свода Всеволода, продолжив по Новгородскому своду XI в. рассказ Начального свода о событиях 6524 г.,¹⁵⁰ сознательно опустил упоминание о «правде» и «уставе» Ярослава, с которыми новгородцы издавна связывали свои притязания на политическую самостоятельность. Таким образом возник тот вариант окончания статьи 6524 г., который мы находим в Синодальном списке. Составитель владычного свода конца 1160-х гг. не мог не восстановить этого важнейшего известия. Одновременно он хотел придать большую завершенность не доведенному до конца в своде Всеволода рассказу о событиях, последовавших за убийством Святополком Бориса и Глеба. Это можно было сделать, лишь рассказав об окончательном поражении и гибели Святополка. Воспроизводя подлинную последовательность событий, сводчик должен был бы, упомянув в конце статьи 6524 г. о грамоте Ярослава, продолжить рассказ о борьбе Ярослава со Святополком и довести его до конца. Но в таком случае получение новгородцами от Ярослава «правды» и «устава» неизбежно предстало бы лишь как один из эпизодов борьбы за великокняжеский престол. Составителя «свода 1167 г.» это явно не устраивало. Он хотел придать этому событию значение политического акта, знаменующего собой начало новой эпохи. Выход был найден в отождествлении Любечской битвы 1016 г. и Альтской битвы 1019 г. Пойдя на заведомое искажение исторических фактов, сводчик выстроил такую обладающую внешним правдоподобием

¹⁴⁹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 661.

¹⁵⁰ К Новгородскому своду XI в. восходит, очевидно, часть статьи 6524 г., начинающаяся со слов: «и нача Днѣпръ мерзнути» (с. 175). До этого момента рассказ НПЛ в целом сходен с ПВЛ и может быть возведен к Начальному своду.

¹⁴⁷ Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 120.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 4, вып. 1. С. 114; ПСРЛ. Т. 5. С. 127.

ем последовательность событий: одержанная благодаря новгородцам победа Ярослава при Любече—бегство и гибель Святополка—утверждение Ярослава на киевском столе—награждение им новгородцев и пожалование им «правды» и «устава».¹⁵¹ В этом принесении исторической достоверности в жертву решению определенной композиционной задачи нетрудно опознать руку того же сводчика, который сократил с пяти до трех число сыновей Ярослава в перечне киевских князей.

Заключив, что окончание статьи 6524 г. было отредактировано в процессе составления «свода 1167 г.», мы имеем все основания предположить, что тогда же было сделано и главное дополнение к этой статье, которого мы до сих пор не касались: после слов Ярослава «по сеи грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите» в обоих списках младшего извода НПЛ читается текст Краткой редакции Русской Правды. Слова, вложенные в уста Ярослава, имеют смысл лишь как способ введения текста «грамоты» и потому неотделимы от этого текста. А. А. Шахматов, правда, полагал, что во владычном своде 1167 г. читался текст не Русской Правды, а не дошедшего до нас «учредительного акта», данного Ярославом новгородцам в 1016 г. и представлявшего собой своего рода «великую хартию вольностей» новгородских.¹⁵² Однако, как показали специальные исследования Русской Правды, в грамоте, выданной Ярославом новгородцам в 1016 г., есть все основания видеть первую часть Краткой Правды — так называемую Правду Ярослава, или Древнейшую Правду.¹⁵³ Именно этот текст, скорее всего, и завершал статью 6524 г. Новгородского свода XI в. Составитель нового владычного свода заменил его на текст Краткой Правды, представлявший собой соединение нескольких разновременных законодательных актов.

Все сказанное позволяет решительно присоединиться к мнению историков, считающих, что включение Краткой редакции Русской Правды в новгородское летописание произошло еще в XII в.¹⁵⁴ Важнейшим доказательством этого является уже само по себе отсутствие других, летописных древних списков памятника. Значение данного обстоятельства (игнорируемого исследователями, предполагающими, что в состав летописи Краткая Правда вошла лишь в XV в.) лучше других понял и оценил И. А. Стратонов: «Текст Русской Правды (краткой редакции),

¹⁵¹ Выстроенная составителем «свода 1167 г.» схема событий оказала, по-видимому, влияние на составителя протографа Софийской I и Новгородской IV летописей, который также поместил известие о награждении новгородцев и получении ими от Ярослава «правды» и «устава» после сообщения о гибели Святополка. Однако достигнуто это было способом, противоположным тому, к которому прибег сводчик XII в.: известия, относящиеся к 6524 г., были перенесены в статью 6527 г.

¹⁵² Шахматов А. А. Разыскания... С. 296, 507—508.

¹⁵³ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 242—249; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 245.

¹⁵⁴ См.: Стратонов И. А. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. С. 33—35; Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М., 1941. С. 40; Зимин А. А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // Тр. Историко-архивного института. М., 1954. Т. 7. С. 160; Гринев Н. Н. Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. 1989. Вып. 3(13). С. 23. Автор последней работы справедливо связывает включение в летопись Краткой Правды с составлением перечней статьи 6497 г. и на этом основании относит его к 1160-м гг.

как он читается в Новгородской первой летописи младшего извода, едва ли мог быть известен в XV столетии из какого-либо сборника, кроме летописи; по крайней мере все сборники нелетописного характера, дошедшие до нас, заключают в себе текст пространной редакции. (...) В XV ст., если бы пришлось вставлять Русскую Правду на место Ярославовых грамот, то вставили бы обязательно пространную редакцию, так как последняя редакция в XV ст. была хорошо известна из „кормчих книг“ и была более совершенна по своему составу. Действительно, мы имеем в Софийской I летописи на месте краткой редакции текст пространной».¹⁵⁵

Очень возможно, что роль новгородского сводчика 1160-х гг. не ограничивалась простым включением готового текста Краткой Правды в летопись. По мысли И. А. Стратонова, именно этим сводчиком и была составлена из отдельных частей Краткая Правда в ее известном нам виде.¹⁵⁶ К аналогичному выводу приходит и Н. Н. Гринев в последней работе, специально посвященной этому памятнику. Как считает исследователь, «объединение документов в „Краткую редакцию Русской Правды“ произошло в новгородском летописании с целью кодификации в летописи мы не находим».¹⁵⁷ Важным аргументом в пользу «летописного» происхождения Краткой Правды является отождествление предпоследней части памятника — Покона Вирного — с грамотой Ярослава, упоминаемой в Софийской I и Новгородской IV летописях под 1036 г. и, по-видимому, читавшейся под этим годом в Новгородском своде XI в.

Таким образом, в работе составителя новгородского летописного свода конца 60-х гг. XII в. («свода 1167 г.») отчетливо выделяются три главные части:

1) написание статьи 6497 г., состоящей из повествовательной части, основанной на Новгородском своде XI в. (рассказ о крещении Новгорода), и из списков киевских и новгородских князей, русских митрополитов, новгородских архиепископов, русских епископов и новгородских посадников, составленных самим сводчиком;

2) редактирование окончания статьи 6524 г. и включение в летопись под этим годом составленной также сводчиком подборки из нескольких законодательных актов XI в., известной как Краткая редакция Русской Правды;

3) распространение летописи в части, охватывающей период существования Новгородской Софии, т. е. фактически — составление нового текста статей 6552—6582 гг. на основе текста Повести временных лет и Новгородского свода XI в.

Эти три составные части работы составителя свода, связанные единством источников, отражают в своей совокупности вполне определенную программу, которой придерживался сводчик. Автором этой программы и инициатором составления свода был, вероятно, архиепископ Илья, незадолго до того, в 1165 г., занявший новгородскую кафедру. Редактирование Софийской летописи следует, по-видимому, рассматривать как одно из предприятий церковной политики Ильи-Иоанна,

¹⁵⁵ Стратонов И. А. К вопросу о составе и происхождении... С. 35.

¹⁵⁶ Там же. С. 33.

¹⁵⁷ Гринев Н. Н. Краткая редакция Русской Правды... С. 42.

направленной на усиление роли владычной кафедры как основной консолидирующей силы Новгородской республики.

Составление нового свода не преследовало цели всесторонней ревизии и цензуры княжеского свода Всеволода, лежавшего в основе погодной владычной летописи. Оно не было продиктовано и стремлением пополнить Софийскую летопись на всем ее протяжении новым историческим материалом. Поэтому основной текст свода Всеволода (основанного на Киевском Начальном своде, продолженном записями до 1115 г.) без особых изменений перешел в новый владычный свод, несмотря на существенно большую полноту соответствующей части Повести временных лет, текст которой имелся в распоряжении сводчика. Главная задача составления нового свода заключалась, как можно думать, в том, чтобы придать владычной новгородской летописи статус официальной общегосударственной хроники. Внимание сводчика сосредоточилось поэтому на трех главнейших моментах в истории Новгорода: 1) его христианизации, 2) получении новгородцами от Ярослава «правды» и «устава» в 1016 г. и 3) строительстве патронального храма Новгорода — св. Софии. К этим событиям и были приурочены основные дополнения, сделанные составителем «свода 1167 г.» к его основному источнику — своду Всеволода.

Дефектность использованного списка Повести временных лет не позволила сводчику полностью реализовать его программу. Полное совпадение двух изводов НПЛ, начинающееся с 6583 г., позволяет заключить, что в этой своей части основанная на своде Всеволода Софийская летопись вообще не подверглась редакторской обработке при составлении «свода 1167 г.». Допустимо предположить, что она даже не была переписана сводчиком, который вполне мог ограничиться заменой начальной части свода (до 6583 г.) на новый, отредактированный и дополненный им текст.

Ключевой момент в истории текста НПЛ?

Вернемся теперь к Синодальному списку. Как мы предположили выше, в части до 6704 г. протографом его послужил список с владычной летописи, изготовленный Германом Воятой между 1144 и 1188 гг. и предназначенный для Юрьева монастыря. Поскольку по 6582 г. включительно этот список отражает состояние владычной летописи до ее редактирования в конце 1160-х гг., или, что то же, — первоначальный текст свода Всеволода, можно было бы отнести его возникновение к периоду между 1144 и 1167 гг. и ограничиться этим. Но мелкая на первый взгляд кодикологическая деталь неожиданно представляет происхождение протографа Синодального списка в совершенно новом свете.

В начальной части Синодального списка имеется довольно много «пустых» лет — статей, не содержащих никаких сообщений и представленных лишь порядковым номером. В ряде случаев эти «пустые» годы образуют группы от 2 до 8 лет. При этом на самых первых листах рукописи каждая такая «пустая» статья занимает отдельную строку, и группы их образуют аккуратные столбцы (6526—6527, 6530—6535, 6537—6544, 6546, 6548—6549, 6554—6557, 6561, 6563—6566, 6570—6572, 6579). Однако начиная с определенного момента, «пустые» годы могут располагаться по два на одной строке, а одиночные — на той же строке, где

кончилась предыдущая статья (6591—6596, 6604, 6606—6607), да и полноценные статьи могут начинаться не обязательно с красной строки (5609, 5625, 5635). Первая «пустая» статья, начатая не с красной строки, имеет порядковый номер 583. Именно так, с пропуском знака для тысяч, что для Синодального списка является единственным в своем роде исключением. Таким образом, 6583 г. оказывается рубежным не только в младшем изводе НПЛ, но и в Синодальном списке.

Налицо, казалось бы, явный парадокс. С одной стороны, Синодальный список отражает тот вид владычной летописи, который она имела до создания «свода 1167 г.», и, следовательно, протограф его не мог быть создан позже этого времени. С другой стороны, в нем нашел отражение временной рубеж, само происхождение которого мы связываем с составлением этого свода. Как примирить эти факты и примиримы ли они вообще? Думается, что выход из этого кажущегося тупика может быть лишь один — в допущении, что протограф Синодального списка возник одновременно с реформой владычного летописания конца 1160-х гг. и в связи с этой реформой. Поясним эту мысль. Наличие в Синодальном списке рубежа 6583 г. (проявляющегося иначе, чем в младшем изводе, — не на текстологическом, а на кодикологическом уровне) оказывается вполне объяснимо, если допустить, что протограф Синодального списка не был на всем его протяжении до 6696 г. списком Германа Вояты, но представлял собой рукопись-конволют, основу которой составило старое начало владычной летописи, изъятая из нее при составлении «свода 1167 г.». К этому началу, обрывавшемуся приблизительно между 6579 (последняя «пустая» статья, начинающаяся с красной строки) и 6583 г., Герман Воята добавил продолжение в виде собственного списка с той части владычной летописи, которая не подверглась редактированию и которая, возможно, вошла в состав «свода 1167 г.», даже не будучи переписанной. Переписывая этот текст, Воята изменил расположение «пустых» погодных статей, сделав его более экономным. Таким образом в образовавшейся из соединения двух частей рукописи характер оформления «пустых» лет оказался различным до и после 6583 г. Это различие было воспроизведено затем и писцом Синодального списка, который вообще весьма точно передавал внешние характеристики своего протографа.¹⁵⁸

Осуществить эту гипотетическую операцию Герман Воята мог в принципе и в любое время после создания «свода 1167 г.». Маловероятно, впрочем, чтобы изъятая из владычного свода часть могла долгое время сохраниться, не будучи никак употребленной. Использование ее для создания юрьевского списка летописи естественнее поэтому отно-

¹⁵⁸ Еще одно проявление кодикологической неоднородности протографа начальной части Синодального списка обнаруживается на орфографическом уровне — в характере распределения графем ѡ — ѡ — ѡ . В самом начале рукописи, до 6576 г. (л. 4) в положении на конце строки встречается, помимо основного варианта ѡ , только лигатура ѡ . Между тем начиная со статьи 6598 г. (л. 5 об.) в этом положении регулярно выступает одиночное ѡ . С другой стороны, на л. 1 ѡ дважды употреблен в середине строки после согласного (мѡжь , медѡ), чего во всем Синодальном списке более не обнаруживается. Предположение, что в части до 6583 г. протографом рукописи был оригинал свода Всеволода, хорошо объясняет эти графические особенности первых листов Синодального списка (ср. аналогичное употребление ѡ в ряде древнейших русских памятников, например, Изборнике 1076 г.).

свить ко времени непосредственно после реформирования владычного летописания, побочным продуктом которого и было, по-видимому, создание юрьевского списка. В связи с такой трактовкой соотношения софийского и юрьевского сводов обращает на себя внимание известие владычной летописи под 6673(1165) г., связывающее получение епископом Ильей архиепископского титула с дипломатической миссией юрьевского игумена Дионисия: «Въ то же лѣто ходи игумень Дионисий съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыцѣ архиепископство митрополитомъ» (с. 32). Демонстрируемая таким образом вовлеченность юрьевского игумена в дела новгородской кафедры хорошо объясняет возможность использования текста, изъятого из владычной летописи в ходе ее редактирования, для создания на его основе списка, предназначенного для Юрьева монастыря.

Заказчиком этого списка, изготовленного Германом Воятой, вполне мог быть сам игумен Дионисий. На это предположение наводит дальнейшая судьба юрьевского списка. Как мы знаем, после смерти Вояты он продолжал пополняться на протяжении еще восьми лет. Последнее дополнительное известие читается в данной части Синодального списка под 6703 г. В конце предыдущей статьи в обоих изводах НПЛ читается сообщение о смерти игумена Дионисия и поставлении на его место Савватия. Таким образом, прекращение юрьевского списка практически совпадает по времени с кончиной предполагаемого инициатора его составления.

В хронологии дополнительных известий Синодального списка находим также косвенное подтверждение того, что работа Германа Вояты над юрьевским списком летописи началась около 1167 г. После двух дополнений к статье 6652 г. (автобиографической заметки Германа и записи о пожаре в Холме) в этих известиях наступает более чем двадцатилетний перерыв. Первое после этого перерыва добавление (о смерти игуменьи Варварина монастыря Анны и поставлении ее преемницы Маремьяны) сделано под 6675(1167) г. Очевидно, переписывая владычную летопись за прошлые годы, Воята внес в ее текст лишь заметку о поставлении его самого попом и заодно с нею — сообщение о случившемся тогда же и потому запомнившемся пожаре; однако дойдя до современных событий, он сразу же счел нужным сделать добавление, представлявшее интерес для юрьевской летописи.

Характерно, впрочем, что за период с 6675 по 6695 г. таких дополнительных сообщений всего два (6687, 6692), тогда как с 6696 г. их количество резко возрастает. Иначе говоря, если при жизни Вояты Юрьевская летопись оставалась простой копией Софийской, то после его смерти она приобретает элемент самостоятельности. Это кажется далеко не случайным. Ранее мы объяснили факт создания юрьевского списка Германом Воятой ролью его как владычного летописца. Если Воята действительно вел владычную летопись (а думать так, напомним, побуждает как пример Тимофея пономаря, так и упоминание в записи о смерти Германа его поездки в Псков с архиепископом Гаврилой), тогда различие в соотношении Софийской и Юрьевской летописей до и после смерти Вояты кажется вполне естественным: Воята без особых изменений переписывал в юрьевский список собственные записи во владычном своде, тогда как его продолжатель по Юрьевской летописи воспринимал записи владычного свода со стороны и считал необходимым дополнять их по своему усмотрению.

Путем сделанных выкладок мы подошли к предположению, что Герман Воята вел владычную летопись уже в конце 1160-х гг. Важное подтверждение этому дает анализ текста самой владычной летописи по такому признаку, как способ оформления дневных дат. В тексте Синодального списка дневные даты обозначаются восьмью способами (напр.: *месяца марта въ 1 день, месяца марта въ 1, марта въ 1, марта въ 1 день* и т. д.), причем способы эти оказываются различными на разных участках текста. Один из наиболее ярких «швов», проводимых по данному признаку, проходит между 6671 и 6672 г. До этого момента дневные даты регулярно обозначались по крайней мере тремя способами. Между тем, начиная с 6672 г. на протяжении тридцати пяти лет (до 6707 г.) используется (за двумя исключениями под 6693 и 6694 гг.) единственный вариант: *марта въ 1 день*. Резкость, с которой совершается переход к столь единообразному оформлению дневных дат, может объясняться лишь появлением нового владычного летописца. Замечательно, что и здесь, как и в случае с Тимофеем пономарем, это событие оказывается связанным со сменой новгородского владыки: осенью 6671(1163) г. умер епископ Аркадий, а весной 6673(1165) г. был поставлен Илья.

Ничто не мешает предположить (а рассмотренные выше факты подталкивают к такому предположению), что владычным летописцем, приступившим к ведению софийской хроники с 1164 г., и был Герман Воята. В таком случае есть все основания полагать, что именно Воятой был составлен в конце 1160-х гг. и новый владычный свод. Действительно, ведя летописные записи в бытность на новгородской кафедре Ильи-Иоанна, Воята должен был стать и главным исполнителем задуманного новгородским владыкой редактирования начальной части Софийской летописи.

Таким образом, оба извода НПЛ оказываются обязаны фундаментальными особенностями своей структуры преобразованию новгородского летописания, осуществленному около 1167 г. Германом Воятой, которого поэтому нельзя не признать ключевой фигурой в истории текста НПЛ. Суть этого преобразования представляется следующим образом: Герман Воята, ставший с приходом на новгородскую кафедру архиепископа Ильи владычным летописцем, изъяв из владычного свода основную часть читавшегося в начале его свода Всеволода (с начала летописи по 6582 г.), заменяет ее на написанный им текст, в основном воспроизводящий прежнее начало свода, но частично отредактированный и дополненный на основании Новгородского свода XI в. и дефектного списка Повести временных лет. При этом изъятая из владычной летописи часть свода Всеволода также не остается без применения: продолженная по владычному своду, начиная с 6583 г., она кладется в основу летописи Юрьева монастыря.

Можно думать, что по завершении этой работы и владычный свод, и вновь созданная Юрьевская летопись приобрели вид рукописей-конволютов. В начале владычного свода разместились текст, отредактированный и переписанный Германом Воятой; в части после 6582 г. рукопись сохранила тот вид, который она имела до 1167 г. Юрьевская летопись, напротив, лишь с 6583 г. представляла собой список Германа Вояты, в начале же ее должен был находиться оригинал соответствующей части свода Всеволода.

Начав свой анализ текстологической проблематики НПЛ с новой трактовки фигуры Тимофея пономаря, мы заканчиваем его оценкой

вклада в новгородское летописание Германа Вояты. Две эти ключевые для истории текста НПЛ фигуры представляются теперь значительно яснее, чем при начале работы. И все же один вопрос, касающийся литературной деятельности яковлевских клириков, до сих пор остался не затронутым. Он заключается в следующем: почему с приходом на кафедру Ильи в 1165 г. место владычного летописца занял Герман Воята и почему спустя более чем полвека на том же месте мы вновь находим представителя церкви св. Иакова — пономаря Тимофея? Вопросы эти вполне можно было бы оставить и без ответа как находящиеся вне собственно текстологической проблематики. Учитывая их факультативность и только в качестве догадки позволю себе все же предложить для этих фактов следующее объяснение.

Архиепископ Илья до своего избрания на кафедру был, согласно свидетельству его Жития,¹⁵⁹ священником церкви св. Власия в Людине конце Новгорода. Власьевская церковь находилась совсем неподалеку от церкви св. Иакова, где священствовал Воята. Принадлежавшие одному поколению, оба рукоположенные при Нифонте, служившие в соседних приходах, Илья и Герман должны были хорошо знать друг друга. Неудивительно поэтому, что, став новгородским архиепископом, Илья поручил владычную летопись именно Вояте.

В чьих руках находилась архиепископская хроника после смерти Вояты (который, кстати, лишь на два года пережил своего владыку, умершего в 1186 г.), мы не знаем, но кажется совершенно невероятным, чтобы все время, прошедшее до появления при владычном дворе Тимофея пономаря, ведение ее оставалось привилегией яковлевского причта: слишком пестрой была картина перемен, происходивших за это время на новгородской кафедре. Поэтому появление на страницах летописи имени Тимофея в 1230 г., после прихода на кафедру Спиридона, должно объясняться какими-то специальными причинами. Такой причиной, как представляется, вполне могло быть то, что Спиридон до своего избрания был монахом Юрьева монастыря¹⁶⁰ (до этого юрьевские выходцы владычной кафедры не занимали). Вполне естественно, что после своего поставления на кафедру он выбрал для ведения Софийской летописи клирика той же церкви, священником которой был в свое время создатель юрьевского списка летописи и владычный летописец Герман Воята. Таким образом замыкается круг, связывающий в истории текста Новгородской первой летописи Софийский собор, Юрьев монастырь и церковь св. Иакова на Добрыне улице.

Заключение. Основные этапы формирования текста НПЛ

Подводя итоги проведенному исследованию, можно следующим образом реконструировать основные этапы сложения текста Новгородской первой летописи в ее двух изводах.

1) В середине XI в. в Новгороде при Софийском соборе был составлен летописный свод, соединивший какие-то части древнейшего

¹⁵⁹ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 149.

¹⁶⁰ См. под 6737 г. ответ новгородцев на предложение князя Михаила избрать владыку: «есть чьрньць дьяконъ у святого Георгия, именѣмь Спиридонъ, достоинъ есть того» (с. 68).

киевского летописания с начатками местной летописи. На протяжении второй половины XI—начала XII в. он несистематически пополнялся отдельными летописными записями.

2) В первые годы княжения в Новгороде Всеволода Мстиславича (1117—1136), а может быть, еще в 1116—1117 гг., при Мстиславе Владимировиче, был составлен новый летописный свод, в котором материалы Новгородского свода XI в. пришли в соединение с Начальной летописью. Последняя была использована в виде списка Начального свода конца XI в., продолженного записями до 6623(1115) г. Этот список был воспроизведен полностью в части до 6524(1016) г. Начиная с 6525 г. сводчик использовал его лишь в кратких извлечениях, которые сочетал с краткими известиями, почерпнутыми из Новгородского свода XI в. Образовавшийся таким образом свод получил продолжение в виде погодной Новгородской летописи.

3) В 1132 г. вследствие конфликта Всеволода с Новгородом княжеская летопись перешла в ведение епископской кафедры и была продолжена владычными летописцами. При этом на первых порах ее начальная часть сохраняла тот вид, который она имела в своде Всеволода.

4) В конце 1160-х гг. (не ранее осени 1167 г., но и не позже лета 1170 г.), вскоре после избрания на новгородскую кафедру архиепископа Ильи (1165), владычным летописцем Германом Воятой был составлен новый летописный свод. Он сохранил в своем составе основной текст свода Всеволода, дополненный новыми материалами, среди которых была и Краткая редакция Русской Правды. Главными источниками этих дополнений явились Новгородский свод XI в. и Повесть временных лет (в дефектном списке, обрывавшемся в конце статьи 6582 г.). Изъяв из свода Всеволода начальную часть (до 6583 г.), Герман Воята заменил ее на отредактированный им текст. Остальная часть Софийской летописи была оставлена им без изменений. В таком виде «свод 1167 г.» стал основой всего последующего владычного летописания и продолжал пополняться летописными записями на протяжении еще нескольких столетий, вплоть до 30-х гг. XV в.

5) Изъятая Германом Воятой из владычной летописи часть свода Всеволода была использована им тогда же для создания летописного свода Юрьева монастыря. Выполняя заказ юрьевского игумена Дионисия, Воята дополнил ее по владычному своду до своего времени и затем до своей смерти в 1188 г. продолжал пополнять юрьевский список, перенося в него собственные записи во владычной летописи. После смерти Германа Вояты воспроизведение (с местными дополнениями) владычной летописи в Юрьеве монастыре продолжалось еще на протяжении восьми лет, пока был жив игумен Дионисий, с кончиной которого юрьевский летописный свод перестал пополняться.

6) Примерно в конце XIII в. в Юрьеве монастыре был составлен новый список летописи. В основание его был положен первый юрьевский свод, доведенный до 6703(1195) г. Он был переписан заново и начиная с 6704 г. дополнен по владычной летописи. Этот список в пределах до 6742(1234) г. дошел до нас в виде первой части Синодального списка НПЛ.

7) Около 1330 г. юрьевский список конца XIII в., утративший к тому времени свое окончание, был вновь дополнен по владычному своду за период с 1234 по 1330 г. списком второй части Синодального списка. В таком виде Синодальный список пополнялся еще некоторое

время известиями, извлеченными из владычной летописи и местными юрьевскими записями.

8) В 30-е гг. XV в. продолженный до этого времени погодными записями владычный свод стал одним из главных источников «Новгородско-Софийского свода» (протографа Софийской I и Новгородской IV летописей). В новый свод вошли также материалы, извлеченные из сохранявшейся при Софийском соборе рукописи Новгородского свода XI в.

9) Вскоре после создания «Новгородско-Софийского свода» новгородский владычный свод был заново переписан. При этом в него были включены и помещены под соответствующими годами извлеченные из «Новгородско-Софийского свода» Жития Александра Невского и Михаила Черниговского, а также фрагмент Повести о Куликовской битве. Составитель нового списка фрагментарно использовал также летописный свод Юрьева монастыря (Синодальный список), из которого им были переписаны две местные монастырские записи под 6845 и 6853 гг. Сформированный таким образом свод явился протографом Академического и Комиссионного списков младшего извода Новгородской первой летописи.¹⁶¹

* * *

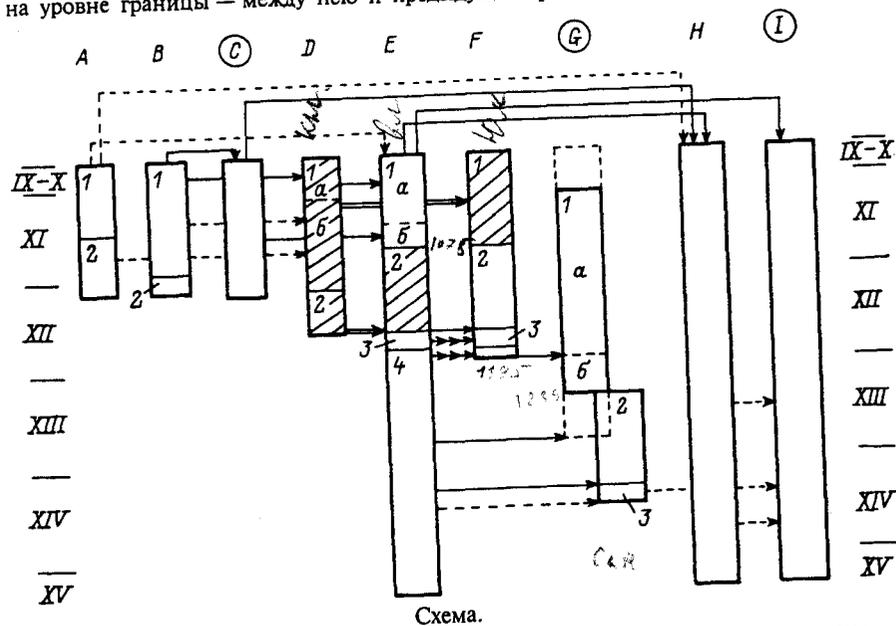
Та же реконструкция представлена ниже в графической форме в виде схемы, в которой сделана попытка отразить, для большей наглядности, отношения не только между летописными сводами в целом, но и между отдельными их частями. Летописные памятники, как дошедшие до нас (их литеры на схеме помещены в кружки), так и реконструируемые, изображены в виде столбцов различной высоты, соответствующей хронологической протяженности текста. Друг относительно друга столбцы-своды расположены в порядке последовательности их составления. Таким образом, по вертикали (сверху вниз) откладывается (с частичным, в пределах столетий, соблюдением масштаба) внутренняя хронология летописных сводов, а по горизонтали (слева направо) — относительная (без соблюдения масштаба) хронология их составления, точнее — возникновения исходного, базового текста, поскольку продолжение сводов погодными записями откладывается на вертикальной оси.

Границы внутри столбцов, проведенные сплошной линией, отделяют участки текста, написанные в разное время (например, первоначальный текст свода и его продолжение, границы частей рукописи-конволюта); границы, проведенные пунктиром, обозначают смену источника или изменение в характере его использования (например, переход от последовательного к выборочному воспроизведению). Пунктиром обозначены также несохранившиеся части Синодального списка. Штриховкой отмечено распределение частей свода Всеволода (и его продолжения в виде погодной летописи до середины 1160-х гг.) между двумя новыми сводами (владычным и юрьевским), составленными Германом Воятой.

Для обозначения связей между летописными сводами используются следующие типы линий:

- ====> — прямое (без переписки) перенесение в новый свод части более раннего свода;
- > — последовательное воспроизведение в новом своде текста свода-источника;
- > — выборочное воспроизведение в новом своде отдельных известий свода-источника;
- ====>>> — последовательное воспроизведение свода-источника по мере его пополнения погодными записями;
- ====>>>> — выборочное воспроизведение свода-источника по мере его пополнения погодными записями.

Кроме того, линии делятся на соединяющие основания столбцов и соединяющие их боковые стороны. Первые обозначают связи между сводами в целом, в том числе и использование отдельных известий из свода-источника на разных участках нового свода. Вторые указывают на использование источника лишь на определенном участке нового свода, заключенном между двумя ближайшими к месту прихода связующей линии границами (если соединяющая линия проходит на уровне границы — между нею и предыдущей границей).

- Схема.
- A — Древнейший Новгородский свод середины XI в. (A1), продолженный записями до 10-х гг. XII в. (A2);
 - B — Киевский Начальный свод конца XI в. (B1), продолженный записями до 6523 (1115) г. (B2);
 - © — Повесть временных лет в редакции второй половины 1110-х гг.;
 - D — новгородский княжеский свод второй половины 1110-х гг. («свод Мстислава-Всеволода» — D1), продолженный записями княжеских, а затем владычных летописцев (D2) до середины 1160-х гг. Источники: на участке D1a (с начала свода по 6524 г.) — B (воспроизведен полностью); на участке D1b (6525—6623 гг.) — A и B (оба в извлечениях);
 - E — новгородский владычный свод конца 1160-х гг. («свод 1167 г.»), составленный Германом Воятой, и его продолжение. E1 (с начала свода по 6582 г.) — текст,

¹⁶¹ Подчеркнем, что в части, относящейся к XV в., предлагаемая схема носит намеренно упрощенный характер. В действительности протограф «Новгородско-Софийского свода» и протограф Комиссионного и Академического списков НПЛ вполне могли быть (и, вероятно, были) отделены от оригинала владычного новгородского свода XII—XV вв. несколькими промежуточными списками. Этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении.

ON THE ORIGIN OF NOVGOROD AND STARAJA RUSSA *o*-STEM
NOMINATIVE SINGULAR MASCULIN ENDING *-e*

Introduction¹

In recent years it has become a familiar fact that in the North Russian dialect reflected in early texts from Novgorod and Staraja Russa the nominative singular of the nominal and pronominal masculine *o*-stems ended in *-e*. A few examples: *Иване* (№ 430, 633), *дешеве* (№ 424), *саме* (SRu 6), *въдале* 'дал' (№ 238, 119, 509), cf. also the following phrase, which consists entirely of nominatives in *-e*: *позвале дворянине Федоре Внездове внуке* (№ 289).²

The ending *-e* limited to the Nsg of the *o*-stems; the Asg always takes *-ъ*, as do both the Nsg and Asg of the *u*-stems; the *jo*-stems appear to take *-ъ* in both the Nsg and the Asg, the way they do in all other Slavic dialects.³ The Nsg ending *-e* never causes stem-final velars to undergo the First Palatalization, so that we find, e. g., *замъке* (№ 247), *новгородске* (№ 562), *кето* 'кто' (SRu 12), *кожюхе* (№ 141), *лихе* (№ 163), rather than ***замъче*, ***новгородъще*, ***чето*, ***кожюше*, ***лише*. For a detailed discussion of the evidence I refer to Зализняк.⁴

¹ I am indebted to Андрей Анатольевич Зализняк for his critical comments during the Novgorodiana conference in August 1993.

² Examples from birchbark letters. «N» means «Novgorod», «SRu» means «Staraja Russa». Numbers refer to the Academy Edition (Новгородские грамоты на бересте...): *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.). М., 1953. № 1—10; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1952 г.). М., 1954. № 11—83; *Арциховский А. В., Борковский В. И.*: 1) Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. № 84—136; 2) Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1955 г.). М., 1958. № 137—194; 3) Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. № 195—318; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963. № 319—405; SRu 1—SRu 13; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. № 406—539; *Янин В. Л., Зализняк А. А.*: 1) Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. № 540—614; SRu 14; 2) Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1984—1993 гг.). М., 1993. № 615—710; SRu 15—SRu 23.

³ Due to the properties of the «бытовые» spelling systems of Old Russian (in which the letters *ь* and *е* were interchangeable in principle) and due to the position of local linguistic elements in the sociolinguistic system (which made importation of non-local and Church Slavonic elements possible or even mandatory in texts not devoted to lowly subjects of a domestic or commercial nature), the question whether the Nsg of the msc *jo*-stems was *-ъ* or *-e* is still controversial.

⁴ *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 129—314; *Зализняк А. А.* Лингвистические исследования и словоуказатель // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1993. С. 206—211.

On the rules that determine the distribution of the Nsg *-e* in the early seventeenth-century language reflected in Tönnies Fenne's *Gesprächsbuch* see now: *Schaeken J. Zum*

- отредактированный и дополненный составителем свода. Его источники: на участке E1a (по 6552 г.)—D (главный, воспроизведен полностью, за исключением статей 6547—6552 гг.), A (дополнительный, использован в статьях 6497, 6524, 6552 гг.), C (детали в статье 6524 г.), Русская Правда (6524 г.); на участке E1b (6553—6582 гг.)—C (полностью, за исключением Сказания об основании Печерского монастыря под 6559 г.), A (отдельные известия); E2 (6583 — середина 1160-х гг.) — часть D, непосредственно перенесенная в новый свод; E3 — продолжение владычной летописи Германом Воятой (до 1188 г.); E4 — продолжение свода последующими владычными летописцами (до 30-х гг. XV в.);
- F — летописный свод Юрьева монастыря, составленный Германом Воятой одновременно с реформированием владычной летописи в конце 1160-х гг., и его продолжение. F1 — часть, непосредственно перенесенная из D; F2 — копия с D; F3—4 — продолжение Юрьевского свода на основании E (с дополнениями) Германом Воятой (F3, до 1188 г.) и его преемником (F4, до 1195 г.);
- ⓐ — Синодальный список (Юрьев монастырь):
- G1 — первая часть (л. 1—118, вероятно, конец XIII в.): список с F (G1a, с начала по 6703(1195 г.)), продолженный на основании E (G1b) до времени своего написания, точно не известного;
- G2 — вторая часть (л. 119—166, 1330 г.): список с E, восполнивший утраченное окончание G1 (начиная с 6742(1234) г.) и доведенный до времени своего написания;
- G3 — записи на дополнительных листах за 6831(1339)—6860(1352) гг. (местные и перенесенные из E);
- H — «Новгородско-Софийский свод» 30-х (?) гг. XV в. — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. Источники (из представленных в схеме): C, E — основные, A — дополнительный;
- ⓑ — протограф Комиссионного и Академического списков НПЛ. Источники: E — главный; дополнительные — H (Житие Александра Невского — 6748, 6750, 6754, 6759 гг.); Повесть об убиении в Орде Михаила Черниговского — 6753 г., фрагмент Повести о Куликовской битве — 6888 г.), G3 (записи 6845 и 6853 гг.).